

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71

#7(71), 2021 часть 3

#7(71), 2020 part 3

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - A4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal
Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

**Давид Ковалик (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

**Питер Кларквуд (Университетский
колледж Лондона)**

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

**Александр Климек (Польская академия
наук)**

**Александр Роговский (Ягеллонский
университет)**

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

**Бартош Мазуркевич (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

**Миколай Жуковский (Варшавский
университет)**

**Матеуш Маршалек (Ягеллонский
университет)**

**Шимон Матысяк (Польская академия
наук)**

**Михал Невядомский (Институт
международных отношений)**

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Kracow University of
Technology named Tadeusz Kościuszko)**

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

**Alexander Klimek (Polish Academy of
Sciences)**

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko
Cracow University of Technology)**

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

**Szymon Matysiak (Polish Academy of
Sciences)**

**Michał Niewiadomski (Institute of
International Relations)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Lapidus R. THE AIMS AND ACHIEVEMENTS OF THE RUSSIAN FORMALISTS IN THE YEARS 1913-1925	4
---	---

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шунько А.В., Сеницын С.Е. МОДЕЛЬ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СКАЛОЛАЗОВ В ЛАЗАНИИ НА СКОРОСТЬ	12
Алиева С.Б. РОЛЬ СЕМЬИ В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	20
Богус М.Б. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВИЗАЦИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	24
Ирина А.В. АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	28
Ганчар Н.П., Хамена Е.А. РАЗРАБОТКА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ QR-КВЕСТОВ (НА ПРИМЕРЕ «TRAVELLING» (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК) И «DIE REISE» (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)	30
Кононович Д.О. АНАЛІЗ ЕФЕКТИВНОСТІ КОМПЛЕКСНОЇ ПРОГРАМИ ПРОФІЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНОГО ВПЛИВУ ІНТЕРНЕТ- СЕРЕДОВИЩА НА УЧНІВСЬКУ МОЛОДЬ	42
Симеонова В.Т. ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНЕТ ПЛАТФОРМЫ „BLACKBOARD” ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ПРЕПОДАВАНИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	47
Снежицкий П.В. ГЕНЕЗИС ДВИГАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ	50

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бакуменко О.Н., Алексанян О.К. ТВОРЧЕСКИЙ БИЛИНГВИЗМ И АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД: НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЛЕКСИКОНАМИ В. НАБОКОВА	57
--	----

Rina Lapidus

Bar-Ilan University, Israel

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.94

THE AIMS AND ACHIEVEMENTS OF THE RUSSIAN FORMALISTS IN THE YEARS 1913-1925

1. Introduction

The formalist groups which were active in Russia between the years 1913 and 1925 initiated the formalist method. This method has been shown to have had very significant consequences for the development of the humanities and to a certain degree also for the social sciences in the twentieth century. Although formalism was originally intended only as a method of research, it gave rise - even if indirectly and over many decades - to new conceptions in art and science as a whole. We will now examine the chief basic principles of Russian formalism as revealed in the sources of the period and we will look at its achievements from the vantage-point of more than a hundred years after it began.

2. The Situation in the Study of Literature in Russia before the Appearance of the Formalists

The main question which scholars of art and literature would ask before the appearance of the formalist method at the beginning of the second decade of the twentieth century was, what is the aesthetic value of such-and-such an artistic or literary work? One of the chief scholars of literature in Russia, Alexander Veselovsky¹ asked questions in their works such as: what aesthetic elements does a work contain and how do they give rise to an aesthetic experience of the work discussed? Or, otherwise stated, how can one distinguish between the aesthetic elements in a work and those which are not aesthetic? How do all the aesthetic elements combine in such a way that finally a full, impressive aesthetic effect is produced?²

In order to try to answer these questions, the scholars in the period before formalism would analyze the content of a work in the belief that it expressed the most essential aspect of the inspiration of a writer or artist. At that time, the search for aesthetic principles was only at its beginnings, and these elements were described in an imprecise and empirical manner. Scholars would describe works of literature in general, emotive terms such as "beautiful", "picturesque", "impressive".

From the eighteenth century until the second decade of the twentieth, literature was seen as part of a "Total Art Works"³ which also included other arts such as music and painting. The scholars believed that the artist or writer had special faculties not given to the

ordinary man, by means of which he was able to rise above common humanity, and gained his creative inspiration through contact with some lofty superhuman spirit that is far above all that is commonplace and routine. This symbolist approach to art made works of literature into something beyond the comprehension of ordinary people, something mysterious, originating in other worlds, lofty, divine.

This approach was the result of a view of art and literature as being chiefly philosophical in nature. It led to the inclusion of a mass of concepts, ideas and criteria drawn from the study of philosophy to the study of the arts as well. Moreover, scholars of literature also needed a knowledge of other related areas - psychology, history, ethics, religion, mythology, music, logic. This method of study blurred distinctions and lacked any theoretical basis. A scholar in art or literature had to equip himself with concepts and knowledge drawn from areas in which he was not expert, and on the other hand did not possess the concepts or knowledge necessary to study art and literature themselves.

At the same time, the formalists felt that it was obvious that the study of literature required knowledge, concepts and criteria proper to itself and developed for its own sake. They thought that the study of literature should be a science like all the other sciences - philosophy, psychology, ethics, history- all of which have characteristics and methods of their own, and whose scholars have no need of scientific tools taken from other disciplines. The scholars of literature had used all the investigative tools with which they were acquainted in an unprofessional manner from other spheres, but they lacked tested, reliable and scientific tools of investigation of their own. The study of literature was not developed in a professional way until the formalist circle began their activities. Previously to that, it had not been analytical but primarily descriptive, and scholars used to describe the works they studied in a highly emotional style and in a way that was subjective, inexact and not based on any accepted principles.

According to Roman Jakobson⁴, before the appearance of the formalist method the scholars of literature were like policemen who, wishing to arrest a

¹ Alexander Nicolaevitch Veselovsky (1838-1906), scholar of Russian literature and folklore, used a comparative historical method in his work.

²Engelhardt, p. 9, and in this connection see also Zholkovsky, Scheglov, "On the Possibilities of Constructing a Structural Poetics", p. 56.

³"Total art" is a concept derived from the German concept of "Gesamtkunstwerk", frequently translated as

"ideal work of art", "synthesis of the arts", or "all-embracing art form", meaning a work of art that makes use of all or many art forms.

⁴ Roman Osipovich Jakobson (1896-1982) was a pioneer of formalism and structuralism, one of the most celebrated and influential linguists of the twentieth century. He proposed new methods for the investigation of poetry, music, visual arts, and cinema.

certain person, arrested all those around him and his friends and neighbors as well, and even the people passing by his house, and all were under suspicion to the same degree. In this way, said Jakobson, scholars of literature included in their studies everything that came to hand: psychology, psychoanalysis, politics, reflections, everyday occurrences, historical details. Instead of treating the study of literature as a science, there was a mishmash of scraps of information, concepts and approaches drawn from a variety of spheres, when those who drew upon them - the scholars of literature - lacked a basic knowledge of those areas. The scholars of literature disregarded the fact that in reality all these areas belonged to different disciplines⁵. As against to that, the scholars of psychology, history, sociology or philosophy do not borrow their knowledge or scientific tools from literature.

This situation existed in the study of the arts in general and the study of literature in particular in Russia until the beginning of the second decade of the twentieth century, but it changed as a result of the activities of the first formalist circles such as that of Roman Jakobson and Victor Shklovsky in Moscow in 1913.

The breakup of the symbolist camp in the year 1910-1911 also contributed to the rise of the formalists. Moreover, dissatisfaction with the poor achievements of the "unscientific" methods which had been prevalent for a long time in the study of literature, namely ones that relied on other disciplines instead of developing their own professional tools, prepared the way for the appearance and success of the Russian formalists from the year 1913 onwards. After that Russian Formalism paved the way for the appearance of Russian Structuralism as well.

3. Functional Language as against Literary Language

In 1913 a circle of scholars of literature started its activity in Moscow under the name "*Opoiaz*" - The Society for the Study of Poetic Language. The aim of the society can be seen in its name: "*Opoiaz*" is an abbreviation in Russian meaning "A Society for Poetic Language". Its activities began as a reaction to the symbolism, which had previously been dominant. The members of the society wanted first and foremost to break away from the related disciplines, which in their opinion had been added on to the study of literature. They also to make the study of literature a "science of art" corresponding to the German concept *Kunstwissenschaft*.⁶ They wished to develop the study of literature as a separate, independent phenomenon,

worthy of being studied as an entity in itself with its own characteristics and methods.

In order to do this, the formalists believed that one had first of all to learn about the concrete "material" under investigation - that is, literature, and especially poetry, which has a greater concentration than prose of aesthetic elements. They declared that language was to literature as stone or wood was to sculpture: the raw material from which the artist fashions his creation. Like sculptors who begin by learning the qualities of stone or wood, the scholars of literature have to learn the qualities of poetic language. Only then can they decide on the means suitable for literary research, and extract from poetic language rules and principles for developing methods of study of a scientific nature analogous to those used in the exact sciences.⁷

The smallest unit of poetic language is the word. In order to study the quality of the poetic word, one must first get rid of information or concepts added on to literary research from other sciences, or, that is to say, one must liberate it from the accretion of commentaries influenced by current ideas and concepts in philosophy, the study of religions, ideologies, sociology, history, etc. In their desire to "cleanse" the study of literature from these additions, the formalists avoided any reference to these things when they analyzed the poetic word as an artistic phenomenon.⁸ In accordance with the artistic theory of A.A. Potebnia,⁹ the formalists believed that the purpose of the artistic word was to express the inner world, the feelings and emotions of the writer. The writer does not as a rule include in his work precise references to his personal experiences, but presents them through verbal descriptions, artistic verbal pictures as it were, artistic images through which the message is conveyed that he wishes to transmit to his readers.

These artistic images not only exist in literature but also in other arts, and there too the artist depicts his experiences, feelings and ideas by their means, but in these other arts they are not verbal images but take forms characteristic of those particular arts. Each art has its own medium of communication, and in literature the medium is language.

The poetic word possesses aesthetic value if the writer has so intended. In other words, if the writer of the text so desires, he can shape the text in such a way that an aesthetic quality will also be part of it, although of course the writer's intention cannot ensure that its aesthetic value will be a high one. But even if the text is not on a high aesthetic level, at least the writer's desire to produce something of aesthetic value will be

⁵ Eikhenbaum, 1927, p.122 ff..

⁶*Kunstwissenschaft* is a German concept meaning the science of the fine arts of every kind, such as paint, music and literature. and their iconographic, iconological and material determination. It also examines and describes the cultural function of art in terms of its artistic and illustrative conditions as well as the creative process of artists.

⁷ Lotman, p. 92 ff.

8

Eikhenbaum, 1927, p. 120 ff.; Engelgardt, pp. 64-65.

⁹Alexander Afanasievitch Potebnia (1835-1891), a scholar of literature and of the Russian and Ukrainian languages, was an innovator in literary research and the study of thought, poetry, folklore and ethnography. Here we refer to his novel idea that the meaning of a word is not fixed, but that each speaker gives it his own individual meaning. In formulating his theories, Potebnia was much influenced by the German philosophers.

discernible in the work. Artistic images can be a clear indication of the desire or lack of desire of the writer to produce an aesthetic text. In a text intended to be aesthetic there will be such images, and in a text where there is no such intention there will not be any such images, or only a minimal number. The content of the non-aesthetic text will be presented in a clear language, precise and to-the-point, with a minimum use of poetic or rhetorical figures of speech.

The existence of aesthetic value in a work depends on the intention of its creator, or in other words it is a matter of his treatment of the literary "raw material". This assertion assumes that such a "raw material" existed before it received the required aesthetic treatment, and that it existed as a fact independent of the creator. This "raw material" is language drawn from daily existence, which the writer works on. The study of this raw material requires help from the disciplines capable of providing information about it, and in the case of language the discipline in question is linguistics.

Accordingly, the formalists were drawn to linguistics and included in their investigations many matters relating to the linguistic aspect of works of literature, with the aim of studying the aesthetic treatment of the basic linguistic raw material which transformed it into a work of literature. Thus, they would compare the literary text to the original mundane, non-literary text, the text before it underwent aesthetic treatment. The main difference between the two, according to the formalists, was the objective, which the writer, who had shaped the text and worked on it, had set himself. He could use dry and precise language, and then one would get a non-literary text intended to convey information in the most accurate and reliable way possible, or he could use picturesque language and imagery, and then one would get a literary text not intended to convey information but to produce aesthetic and emotional impressions.¹⁰ To the degree that the creator of the text aims at something practical, communicative, informative, he will try to make everything he says correspond to the reality, or at any rate his words will seek to convey the reality and he will attempt to communicate his message in the most accurate way. In forming his text he will be sparing of figures of speech such as metaphors and metonyms which could blur the precision of what he is saying, and he will certainly avoid irony or sarcasm or anything which could lend itself to misinterpretation and thus lead his readers towards the opposite of the equivalent of the reality he really intended. In this informative and practical language the major principle is the exact significance of the word, of the language, and other aspects of the word - such as its morphological or phonetic aspects - which do not express its meaning, have no significance whatsoever.¹¹

The main task of informative language is to serve as a communicative medium and to transmit the required information in the most well-phrased, practical and succinct manner possible. Any intrusion of other factors, which could frustrate this objective - and these also include aesthetic principles - would be a defect and an unnecessary interference. For instance, instructions on medicines or legal contracts are only meant to correspond to their equivalent in the reality, and they have to be formulated in the most exact and meticulous way possible. They should not include things, which would distort their meaning, nor should they contain poetic figures of speech. On the other hand, if the writer of the text intended it to have a poetic character, the informative aspect becomes marginal and secondary, as an artistic creation is not meant to convey information but impressions, experiences, feelings. In an artistic text it is advisable, precisely, to include poetic figures of speech and imagery in order to embellish the text and make it more palatable to the reader. The absence of poetic figures of speech in a poetic text would be considered a defect, while their inclusion in an informative text would be regarded as a defect.

The formalists held that when we study a work of literature, we must study the factors such as imagery, which give the text its aesthetic quality. One must ask questions such as: what is there in the images which gives the text its aesthetic value? According to Jakobson¹², the scholar of literature must not study a work for its own sake but its "literariness": that is to say, he must look for the factors which turn the text into an artistic creation.

The formalists distinguished between practical language and artistic language in which the content is not of primary importance, but what is important is the poetic and rhetorical treatment. In artistic language there is an importance in the things which contribute to the aesthetic and emotive character of the text and which can be extraneous to the content of the text: e.g. acoustic effects, tone, rhyming, metre, syntax etc. These elements have special validity in an artistic text and can even become the decisive factors in it. For instance, there are poems with a negative and pessimistic content and a happy and joyful rhyme and metre. In such cases, the poetic treatment will overrule the content, and the poem will sound ironic and sarcastic. Moreover, it can happen that the poetic aspect of the poem is the only important aspect, and the reader does not trouble to investigate its contents and only relates to the poetic or phonetic aspects of the poem. We all know of poems or songs which are obscure and not clear to us at all, but whose poetic or phonetic aspects have so great an effect on us that we are moved to tears on hearing these poems or songs.

One of the enthusiastic advocates of this idea was Victor Shklovsky.¹³ In his article "On Poetry and

¹⁰ Tynianov, "The Literary Fact"; Eikhenbaum, 1927, pp. 121-122; Engelgardt, pp. 57, 58-59, 64-65.

¹¹ Zhirmunsky, Shklovsky, On Poetry and Sophisticated Language.

¹² Jakobson, pp. 71-73.

¹³ Viktor Borisovich Shklovsky (1893-1984) was a Russian and Soviet literary theorist, critic, and

Sophisticated Language,” first published in 1919, he developed the idea of the great importance of the phonetic and formal aspects of literary texts and laid great emphasis on the decisive importance of the general atmosphere evoked by the text. This applies mainly to poetry, but in prose also, in certain cases the importance of the formal aspect of the text is greater than that of its content. In this article, Shklovsky claimed that we need special words to fully express our feelings, emotions and sensations rather than a content, which does not truly reflect our non-intellectual universe. In fact, in Shklovsky’s opinion it would be worthwhile to create a special language, an alternative to the existing language, whose purpose would be to express the variety of our emotional universe. The words found in the existing language only relate to the content of things and do not adequately express emotions. Even the words which are apparently intended to express emotions do not do so as they should, as there is no connection between the words “love” and “hate” and their content, and one can even substitute one for the other and endow the word “hate” with the meaning of love, and vice versa. The word relating to love must express this emotional reality in its form as well, and perhaps its sound will be softer and more delicate, and the sound of the word relating to hatred will be harder and more grating. The phonetic form of the poetic word should express its meaning even at the expense of its lexicographical meaning. The word relating to love must express this emotion in a phonetic form even if it is not to be found in the dictionary at all. It is permissible for the writer to invent words, which express emotions and aesthetic values even if they have no significance in the accepted informative language. We all know of special nicknames, which lovers give each other, and it seems to them that these words express their feelings, even if in the dictionary these words have no significance or are even terms of insult.

In Shklovsky’s opinion, people use words and expressions with the feeling that using them or even the mere physical action of saying these words and idioms gives them satisfaction or expresses their feelings, without any connection with their lexicographical significance. People often make various sounds even when they have no meaning at all, only because of the fascination of these sounds or because they are gratifying to the mouths or ears of the speakers and listeners. Shklovsky supported his claim with an incident he witnessed when people very emotionally uttered prayers and sounds of various kinds from the Russian prayerbook, and even wept with enthusiasm and excitement, without having any understanding of the meaning of the words. The phonetic aspect of language has an independent and by no means insignificant value, which is especially pronounced in poetry.

writer. He is one of the founders of the Russian Formalism.

¹⁴On this, see Zholkovsky, Scheglov, “Structural Poetics is a Giving Birth Poetics”.

Shklovsky believed that language in literature is fashioned according to immanent rules and principles which are not intended to convey information or facilitate communication between people. Things are said in order to give vent to the emotions of the speaker and to give him positive experiences - satisfaction, pleasure or entertainment. The function of language as a conveyor of information and as an agent of communication is minimal in such cases¹⁴. In a work of literature and especially poetry there is hardly any importance in the content of what is said, but the general significance of the poem is conveyed by the way things are expressed.

According to Shklovsky, language in literature and especially poetry is created for its own sake and not for purposes of content, information or communication. He calls this “sophisticated language” and claims that through a methodical use of it one may write whole poems. There is the possibility that many readers would fail to understand such a poem because it would be expressed in the individual language of the poet. Yet such a poem would express the poet’s feelings in the most authentic way, and there is also the possibility that such a poem would be well-understood precisely by the members of the poet’s own circle, who would give the sounds of the poems meanings similar to those given to them by the poet because the poet and his audience come from the same social, cultural and religious background.

There are poets who complain that they are unable to express in words the feelings of their heart. The reason for this, according to Shklovsky, is that the accepted vocabulary is not sufficient to express the entire spiritual universe of the poet. Moreover, the existing words of the language are commonplace to its speakers, who use them every day. Even assuming hypothetically that the word “love” was able to express that emotion among the first humans that invented language, in the course of hundreds of years of use it became commonplace and clichéd and it was no longer able to express that strong and stormy emotion.

As against this, “sophisticated language” is able to express the power of the poet’s emotions, not only in his own eyes but also, perhaps, in those of the members of his cultural circle. Poetic language is not only a combination of images but also a certain phonetic combination, and this has a definite significance, especially in poetry.¹⁵

4. The “Dominant” in the Formation of Language: The Interrelationship of Form and Content

In the course of their discussions about “sophisticated” language, the formalists developed a new concept, namely, the “dominant”. A work of literature can be described as a conglomeration of primary linguistic materials, which are molded and worked on for emotive and aesthetic purposes as against the communicative and practical aims of an

¹⁵On this, see Engelhardt, p. 67; Eikhenbaum, 1927, pp. 123-125.

informative text. Every text belonging to these two kinds of writing is fashioned in accordance with a certain purpose that the writer strives towards in writing the text, and this was called its “dominant”. Thus, the dominant in the creation of artistic works is its aesthetic and emotional quality. When we assess the quality and character of the aesthetic dominant in works of literature, we need to be assisted by knowledge of aesthetics in other arts as well.

The formalists also re-examined the idea of the interrelationship of form and content. The symbolists, previous to the formalists, had already rejected the division between form and content and especially maintained the unity of form and content. Thus, according to the symbolists, each new content is concretized in a new form, and every new form creates a new content. The formalists took this idea a stage further. They opposed the idea that the form was a vessel into which the content was poured when one was suitable for the other. They held that in literature, unlike in informative and practical language, form had an independent significance and an aesthetic value of its own. The content only has the value of a subject, a motif or a certain image or protagonist: that is to say, it is one of the elements of the artistic work in the same way as style or composition. The importance of content in a work of literature as a whole is not greater than that of other elements, whether it is action or style in a narrative or rhyme or metre in poetry. Just as rhyme and metre have their own significance, so the form of a work of literature has a significance of its own.¹⁶

Since the form of a work of literature has its own significance, its form must be visible, carefully crafted and conspicuous. In this there is an essential difference between informative language and artistic language: in informative language, the language is only the medium of communication and has to convey a content, and this process must not be interfered with through the use of extravagant or exotic forms. That is to say, in informative language the form must be as inconspicuous and unobtrusive as possible and must be subordinated to the content. But this is not the case in artistic language in which the form of the language has the main role in fashioning the work as a whole. Here the form of the work must be innovative, striking, fascinating and capable of arousing interest. It is the form of a work of literature that fashions the work and not its content.¹⁷

¹⁶Zhirmunsky.

¹⁷ Shklovsky, “Art as Device”, and cf. also Zholkovsky, Scheglov, “Structural Poetics is a Giving Birth Poetics”.

¹⁸ “Motif” means here the most simple and basic unit in the construction of the plot. And cf. Shklovsky’s article *supra*, p.38.

¹⁹ Shklovsky, “Art as Device”.

²⁰ Akiba Ben Yosef, known also as Rabbi Akiba (50 CE?-136CE), was a leading Jewish scholar and sage, of the latter part of the first century and the beginning of the second century. He was a leading He is referred to

5. The Use of Artistic Devices in Constructing the Plot (*Sujet*)

In attempting to produce a work, which is as memorable and special, as possible, writers and poets use what the formalists called “artistic devices”. The addition of various devices to the linguistic “raw material” helps to transform the work into something “artistic”. In Shklovsky’s article, “The Relationship between Devices of Plot Construction and General Devices of Style”, written in 1919, the existence of artistic devices used in constructing a plot (*sujet*) was considered for the first time. This changed the traditional view of the plot as a stringing together and joining of different motifs.¹⁸ He noticed that in a work of literature the same motifs are repeated with a certain change of meaning and with different intensities. This phenomenon is particularly noticeable in folk-tales.¹⁹ For instance, in fairytales, Goldilocks meets each of the three bears in turn and engages in the same dialogue with each one; each of the seven dwarfs has the same relationship with Snow-White, and she too passes through the same process of testing with three male figures until she is finally married to a prince; the dumb sister knits shirts for her twelve brothers who have had a spell cast upon them and been turned into ravens, and Little Red Riding-Hood asks the wolf exactly the same questions about the different measurements of his body. Here one can also mention Jesus’ twelve disciples who preceded the twelve thousand disciples of Rabbi Akiva²⁰ and who may have been modeled on the twelve sons of the patriarch Jacob.

Likewise, in artistic literature the same elements are repeated with different shades of meaning and usually with increasing intensity. For instance, each of the four sons of Feodor Karamazov in Dostoevsky’s celebrated novel *Brothers Karamazov* one after the other develops a world-view, which largely corresponds to that of Rodion Raskolnikov in *Crime and Punishment*.²¹ In Tolstoy’s *Anna Karenina*, the heroine looks twice at the burning candle, the first time at the moment of the awakening of her burning desire, and the second time when she is brokenhearted at her separation from her lover.²² In the same way as this motif, that of being run over by a train occurs twice in this novel: the first time as a horrific vision of things-to-come and the second time as a judgement from heaven. One can add any number of examples to this list, and the conclusion to be drawn from all of them is that in the overwhelming majority of works motifs,

in the Talmud as Chief of the Sages”. He was executed by the Romans in the aftermath of the Bar-Kokhba revolt.

²¹ Fyodor Mikhailovich Dostoevsky (1821-1881) was a Russian novelist and philosopher. His most acclaimed works include *Crime and Punishment* (1866) and *The Brothers Karamazov* (1880).

²² Lev Nikolaevich Tolstoy (1828-1910) was one of the greatest Russian authors of all times. Tolstoy is best known for the novels *War and Peace* (1869) and *Anna Karenina* (1878).

subjects, points of style, descriptions and all the other elements of the work are repeated with a different degree of intensity and with changes of meaning. Moreover, a work in which no elements recurred would be considered insufficiently structured or elaborated, defective in its artistic treatment.²³

In Shklovsky's opinion, the whole plot of a work of literature is constructed out of repeated elements of this kind, with changes of order, of development, of presentation, of intensity and other changes. The whole work is a kind of chain on which the writer threads the repeated elements like coloured beads. From what we have said, it may be seen that the plot of a work of literature does not depend on content but is structural, a matter of the different constructions, which the writer builds out of a small number of basic elements and which are repeated again and again in his work in different variations. This structure of the work simultaneously satisfies two basic and contradictory requirements of the reader: on the one hand it is something with which the reader is familiar, but at the same time it is new and innovative. Moreover, a progressive structure of this kind enables the writer to build up dramatic tension in a progressive, consistent and credible manner, and in this way one of the major aims of the work is achieved.²⁴

The formalists enumerated a number of ways in which variations of the repeated motifs are created. For example, it can be a simple linear connection, the fragmentation of a single motif into a number of motifs connected in a parallel manner, the expansion or contraction of motifs through the insertion of dialogues and changes of times and places, etc., piling up one motif upon another a number of times, and so on. The plot ("suzhet") gains a significance which is not identical to that of the content ("fabula"), for the content can be contained in a single motif, but in the process of its construction a plot will be worked on, expanded and added to. A "plot" is essentially a matter of form, a phenomenon unique to the art of literature. This formalist structural approach emphasized the gap between the question of structure and the actual materials such as the content, the main characters and the philosophical and ideological ideas contained in the work.²⁵

This revolutionary concept of the plot as a structural element made up of artistic devices led to a further conclusion: in place of the former belief that "a new form reflects a new content", Shklovsky put forward another idea: artistic works are crystallized, judged and accepted on the basis of other, previous artistic works, and in comparison with them. The form

of an artistic work is through a close relationship with former artistic works. The new form does not appear in order to reflect a new content but in order to replace the former one which was antiquated, had become commonplace and no longer made an impression or was innovative. Like the genre and the plot, the use of devices helped to change the structural composition of the form, and by so doing contributed to refreshing and reviving it.²⁶

In the course of their activities, the formalists considered also the question of motivation. The writer interweaves structural devices into his work, one after the other, with a certain intention, which is the motivation. He attempts to produce a certain effect through constructions made up of devices. Shklovsky discussed the matter of motivation in his article on Lawrence Sterne's²⁷ *Tristram Shandy*.²⁸ In this novel various literary motifs and different kinds of constructions, such as repetitions or extensive descriptions of marginal details, are piled up next to each other and many devices are used without any purpose or explanation on the part of the author. The novel becomes a collection of essentially technical literary resources without any explanation of why the author does it, and as a result the work loses any significance. The work becomes a sort of ridiculous junkyard of meaningless literary constructions, creating an effect of parody and absurdity.²⁹

Shklovsky remarks on the way in which structural devices appear in this novel without any motivation on the author's part. That is to say, the reader is unable to understand the conceptual ideas behind the construction of the work, and the construction is made in a technical manner. The total absence of motivation turns the whole novel into a parody. The parody mocks the way in which works of literature and art are created, namely by an excessive and pointless use of various technical devices.

6. The Formalist Method and Historical Research

In the years 1923-1924, the question of changing forms came up among the formalists. They asked questions such as, what could the history of literature be in terms of the development of literary forms? How does it happen that one genre is expelled from the centre of the literary "map" and ceases to be popular, and its place is taken by another genre, which had not previously been accepted or popular? The search for the answer to these questions required relating to the question of literary forms not only from the present point of view but also from the point of view of historical development. As a result, formalism developed a dual perspective: theoretical research

²³ Shklovsky, "Art as Device".

²⁴ Shklovsky, "Art as Device".

²⁵ Eikhenbaum, 1927, p. 131 ff., and see also Zholkovsky and Scheglov, "Description of the Expression Device of Verbiage".

²⁶ Shklovsky, "The Relationship between Plot Construction and General Devices of Style".

²⁷ Laurence Sterne (1713-1768) was an Irish-born English novelist and humorist, author of *Tristram*

Shandy (1759-1767), an early novel in which story is subordinate to the free associations and digressions of its narrator.

²⁸ *The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*, experimental novel by Laurence Sterne (1713-1768), published in nine volumes from 1759 to 1767.

²⁹ Shklovsky, "The Novel as Parody: Sterne's *Tristram Shandy*".

dealing with theoretical matters and historical research dealing with the development of literary forms.

The juxtaposition of these two perspectives raised new questions. The initial aim of the formalists was to examine and document artistic devices and constructions through an analysis of various literary works from different cultures and periods, and on the basis of the findings to establish the universal and generally applicable character of these devices. And if in view of the historical perspective the need arose to examine the task of each device and its contribution to the work of literature in which it was used, there was a similar need to examine each device in the context of the literature of the time. Literary development was now seen in terms of the development of devices and artistic structural forms.

The development of literature, including that of devices and forms, was not viewed as a legacy from the past to the present but as a break with the past and a rebellion against it. According to the formalists, each new literary form is first and foremost the result of a new writer's struggle against the old literary tradition; it is a protest against the things that, according to the accepted and confining tradition, are expected of him.³⁰ In every period in which there was literary activity, there existed side by side a number of schools of literature, and if one of them became dominant and authoritative and gave the direction, the others became marginal on the "literary map". Younger schools, which were initially marginal, began to encroach upon the leading school with the aim of taking its place in the centre of the "literary map". The "defeated" school did not disappear from the "map" but was only cast to one side and was liable to "recover" and return to the centre of literary activity. To the degree that some literary form came back into use, it was a revival with an absorption of influences from the other literary schools and forms which were at their peak when it was marginal. Thus, in its second rise to the centre of the "literary map", it was different - simultaneously old and new, familiar and surprising at one and the same time - and that was one of the reasons for its success with readers.

In their historical literary research, the formalists were looking for fixed phenomena, motifs that recurred twice or more in history, and disregarded forms that were incidental or once-only. Their aim was to discern the historical laws of literature and decide on their universal application. In this they in practice denied the possibility of an individual and original literary production and declared that in their opinion a work of literature was a standardized phenomenon.

In the second half of the nineteen-twenties, the Society for the Study of Poetic Language ("*Opoiiaz*") became less active. In the nineteen-thirties, the Soviet authorities began a campaign of criticism and defamation of the society and its members. The campaign was due, among other things, to the formalists' disregard of ideological matters at a time

when the Soviet line was that art itself and consequently the study of art and literature had to promote ideological interests, which meant those of communism. Many members of the society were harmed because of their scholarly activities in the period of the great Stalinist terror which reached its peak from the mid nineteen-thirties onwards.

7. The Achievements of the Formalist Method

The formalist method was operative in Russia for twelve years, from 1913 to 1925, and in this period effected revolutionary changes, which may be summarized as follows:

1. From their initial position of contrasting functional language and poetic language, the formalists proceeded to the second stage: distinguishing between the aim of functional language, which is communication, and that of poetic language, which is the production of artistic effects.

2. From a concept of form in which each new form appeared to embody a new content, the formalists proceeded to a new concept - the artistic structural device - and to an investigation of the possible uses of the device, one of which was to create parody in literature.

3. In contrast to the former understanding of the plot ("*sujet*") as a combination of certain elements, such as motifs, the formalists had a new understanding of the plot as a structural concept in which the "dominant" - the intention of the author - determines its final form.

4. The formalists believed that devices also played a role in the chronological sphere - the history of literature - and hence in the history of the development of forms, or, in other words, the study of the history of literature becomes the study of the development of forms.

8. Postscript: a Century after the Formalism

Looking at the formalist school in Russia nearly a century after it began, we can only be surprised at the naïvety and revolutionary boldness of their methods of research. Of course formalism looks naïve in the perspective of a hundred years of very intensive research in the humanities.

But perhaps the achievements of the formalists are even more striking, being almost beyond the scope of the imagination. The formalist method laid the groundwork for many other schools and methods on which research in the humanities is based today, and this is largely true in the social sciences as well. The formalists paved the way for the brilliant work of Vladimir Propp, *The Morphology of the Fairy Tale*³¹, and laid the basis for the Russian structuralist school and for the Russo-German structuralist-linguistic school.

Both the work of Propp and the two schools we have mentioned gave birth to offspring and further offspring, on whom today's scholarship is based. For instance, Russian structuralism contributed much to the French structuralism of the school of Claude Lévi-Strauss³², and, as a result, to American structuralism as

³⁰ Tynianov, "The Literary Fact".

³¹ See: Propp.

well. American structuralism gave rise to reactions in the form of Deconstruction and to a certain degree also of modernism and postmodernism, and also influenced the development of Hermeneutics. Russian structuralism also left its mark on the development of twentieth-century psychology, and its influence is particularly noticeable in the contribution of Jean Piaget³³.

But perhaps more than Russian formalism left its mark on the development of the humanities and social sciences in the twentieth century, it made a significant contribution to the existence of an outstanding scientific atmosphere through its scientific approach to the humanities and especially to research in literature and linguistics which were previously regarded as unworthy of scientific investigation.

Bibliography

- Eikhenbaum=
 Б.М. Эйхенбаум, „Теория «формального метода»“, Литература: Теория. Критика. Полемика, Ленинград: Прибой, 1927, стр. 116-148, переизд.: Б.М. Эйхенбаум, О литературе, Москва: Советский писатель, 1987, стр. 375-408.
- Engelgardt=
 Б.М. Энгельгардт, Формальный метод в истории литературы, Ленинград: Академия, 1927.
- Lotman =
 Ю.М. Лотман, Литературоведение должно быть наукой, Вопросы литературы, 1 (1967), стр. 90-100.
- Propp=
 В.В. Пропп, Морфология сказки, Ленинград: Academia, 1928.
- Shklovsky, “Art as Device”=
 В.Б. Шкловский, Искусство как прием, О теории прозы, Москва: Советский Писатель, 1983, переизд. с: Москва: Федерация, 1929, стр. 9-25.
- Shklovsky, “The Relationship between Plot Construction and General Devices of Style”=

В.Б. Шкловский, Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля, О теории прозы, Москва: Советский Писатель, 1983, переизд. с: Москва: Федерация, 1929, стр. 26-63.

Shklovsky, On Poetry and Sophisticated Language=

В.Б. Шкловский, О поэзии и заумном языке, Поэтика. Сборники по теории поэтического языка, ред.-ы: О. Брик, Е. Поливанов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Л. Якубинский, Петроград: 18ая Государственная типография, 1919, стр. 13-26.

Shklovsky, “The Novel as Parody: Sterne’s *Tristram Shandy*” =

Viktor Shklovsky, “The Novel as Parody: Sterne’s *Tristram Shandy*,” *Theory of Prose*, trans. B. Sher, introd. G.L. Bruns, Dallas, Texas: Dalkey Archive Press, 1991, pp. 147-170.

Тупианов, “The Literary Fact”=

Ю.Н. Тынянов, Литературный факт, Поэтика. История литературы. Кино, изд. и комментарии: Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова, Москва: Наука, 1977), стр. 255-270.

Yakobson=

K.M. Newton, ed., Roman Jakobson: Linguistics and Poetics, Twentieth Century Literary Theory: A Reader, London, Palgrave, 1997, pp. 71-77.

Zhirmunsky=

И.М. Жирмунский, Задачи поэтики, Теория литературы. Поэтика. Стилистика, ред.: Н.А. Жирмунская, Ленинград: Наука, 1977, стр. 15-55.

Zholkovsky and Scheglov, “Structural Poetics is a Giving Birth Poetics”=

А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, Структурная поэтика — порождающая поэтика, Вопросы литературы, 1 (1967), стр. 74-89.

Zholkovsky and Scheglov, “Description of the Expression Devise of Verbiage”=

А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, К описанию приема выразительности варьирование, Семиотика и информатика, 9 (1970), стр. 106-150.

Claude Lévi-Strauss (1908-2009) was a French anthropologist and ethnologist whose work was key in the development of the theory of structuralism and structural anthropology.

³³Jean Piaget (1896-1980) was a Swiss psychologist known for his works on child development.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 796.526
ГРНТИ 77.03.37

Shunko A.V.

*Lecturer of sport tourism and recreation department
Siberian State University of Physical Education and Sports
Omsk, Russia*

Sinitsyn S.E.

*Lecturer of Physical Education and Sports department
Ural State University of Economics
Ekaterinburg, Russia*

COMPETITION MODEL OF SPEED CLIMBERS IN CLIMBING

Шунько А.В.

*Преподаватель кафедры Рекреации и спортивно-оздоровительного туризма
СибГУФК, Омск, Россия.*

Синицын С.Е.

*Преподаватель кафедры Физической культуры и спорта
УрГЭУ, Екатеринбург, Россия*

МОДЕЛЬ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СКАЛОЛАЗОВ В ЛАЗАНИИ НА СКОРОСТЬ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.95

Abstract. The article examines the record wall in speed climbing from the point of view of various characteristics: biomechanical, physiological and tactical. The record wall is divided into three parts according to the specifics of the performed technical actions and the possible order of their application. The boundaries of the reaction of the cardiovascular system to competitive activity were determined depending on the pace of climbing. The international competitions for 2019 were analyzed and conclusions were drawn about the priorities in choosing tactical decisions during the competitive season.

Аннотация. В статье рассматривается эталонный маршрут с точки зрения различных характеристик: биомеханических, физиологических и тактических. Эталонный маршрут разделен на три части по специфике выполняемых технических действий и возможным порядком их применения. Определены границы реакции сердечно-сосудистой системы на соревновательную деятельность в зависимости от темпа лазания. Проанализированы международные соревнования за 2019 год и сделаны выводы о приоритетах в выборе тактических решений в ходе соревновательного сезона.

Key words: speed climbing, modeling, competition model, climbing.

Ключевые слова: лазание на скорость, скалолазание, моделирование, модель соревновательной деятельности.

Постановка проблемы.

Разделение скалолазания на различные дисциплины и виды лазания имеют под собой достаточные основания, как физиологические, так и технические. Лазание на трудность и боулдеринг имеют больше общих характеристик в подготовке, движениях, биомеханических и физиологических процессах. Лазание на скорость значительно отличается от указанных ранее видов по большинству параметров. Большая часть научных работ в области скалолазания направлены на изучение таких видов, как лазание на трудность и боулдеринг. Это связано с историческими предпосылками развития этих видов. Лазание на скорость более молодая дисциплина, а так же не имеет такого широкого распространения в любительском (рекреационном) скалолазании. Появление «рекордного формата» в дисциплине лазания на скорость является одним из факторов включения скалолазания в Олимпийские виды спорта, а в дальнейшем и программу Олимпийских

игр. Данный фактор является одним из важнейших, который повлиял на повышение внимание к этой дисциплине со стороны тренеров, спортсменов, ученых.

Соревновательная деятельность в любом виде спорта это ключевая сторона активности спортсмена, демонстрирующая его результат подготовки. В скалолазании соревновательная деятельность выражается в первую очередь в преодолении скального маршрута, однако в зависимости от дисциплины, присутствуют кардинальные отличия в технике, тактике, физиологии и биомеханике. Знания о модели соревновательной деятельности являются фундаментом для рационального и эффективного планирования подготовки спортсмена.

Анализ последних исследований и публикаций.

Главным стимулом к появлению научных исследований о лазании на скорость является включение скалолазания в программу

Олимпийских игр. Необходимость в составлении программ подготовки в многоборье часто упиралась в отсутствие достоверных знаний о дисциплине лазания на скорость. Работы по физиологии в скалолазании в целом как виде спорта не давали ответа о необходимых физических качествах для успешности в лазании на скорость.

Изучение общей физической подготовленности в скалолазании в различных дисциплинах показал, что основными являются четыре. Комплекс тестирования на силу хвата (динамометрия), силу мышц пояса верхних конечностей (сгибателей плеча и локтя) и силу брюшного пресса, являются специфическими для скалолазания. Разработаны различные вариации таких методов тестирования, но они актуальны исключительно для скалолазов, специализирующихся в трудности и боулдеринге. [1]

Многие авторы согласны, что в скалолазании одним из важнейших факторов являются показатели сердечно сосудистой системы. Sheel говорит о зависимости уровня ЧСС от сложности маршрута, что подходит только для лазания на трудность. Так же высокий уровень влияния на ЧСС имеет страх срыва и высоты [2]. Такое воздействие на скалолаза отсутствует во время лазания на скорость. Маршрут всегда одной категории, а так же время лазания и верхняя страховка уменьшают страх срыва.

Работа Giles, объединившая в себе исследования о физических качествах, антропометрии и физиологии, показывает общую взаимосвязь этих элементов с элитными скалолазами. Показана высокая взаимосвязь веса к успешности в лазании, результата динамометрии кисти с категорией маршрутов. Так же показана значимость способностей сердечно сосудистой системы: лактат в крови, кровяное давление и ЧСС во время лазания [3]. Все исследования, к сожалению, касаются только лазания в дисциплинах трудность и боулдеринг, что ограничивает использование данных для других дисциплин. Однако подтверждается значимость измерения силовых показателей, показателей сердечной сосудистой системы у скалолазов различной квалификации.

Неоднократно определена значимость антропометрических показателей с результативностью в скалолазании. Анализ исследований с 1993 по 2009 год показывает о высокой значимости, как массы тела, так и процента жира, относительно силы хвата. Однако как и другие исследования, данные посвящены скалолазам, специализирующимся в трудности и боулдеринге [4]. Авторы оставляют открытым вопрос об антропометрических показателях скалолазов в других дисциплинах.

В скорости сила сгибателей пальцев и кисти не определена как значимая, однако контактная сила является показателем способности к максимальной скорости на маршруте [5]. С другой стороны

существует определенная взаимосвязь максимальной силы пальцев и контактной, что может являться основанием для замены технически сложного теста на определение контактной силы на более простой. Важным результатом этого исследования является обоснование значимости силы пальцев в лазании на скорость.

Много исследований дисциплине лазания на скорость посвятил Krawczyk. В одной из работ при исследовании элитных девушек скалолазов, специализирующихся в лазании на скорость, он определил значимые ($p < 0,01$) антропометрические показатели: рост, вес и мышечной массы. Так же в это работе он определил характер работы как анаэробный алактатный [6]. Так же автор сравнивая любителей скалолазания с квалифицированными скалолазами, специализирующихся в лазании на скорость, обосновал значимость ($p < 0,01$) следующих тестов: приседания за 30 сек. (кол-во раз), высота прыжка, максимальная анаэробная мощность. Данные результаты показывают отличительные особенности в подготовленности квалифицированных скалолазов скоростников [7].

Изучая лазание на скорость, Ozimek обнаружил значимые взаимосвязи на уровне $p < 0,05$ между временем лазания и относительной мощностью. Он предложил использовать тест Маргариа-Каламен для изучения мощности нижних конечностей [8].

Модельные характеристики юных скалолазов, специализирующихся в лазании на скорость, рассматривал Shulga. В своей работе он распределил скалолазов скоростников на 3 типа по антропометрическим показателям: высокий, средний и низкий. Его работа дает понимание о различных вариантах технической и тактической подготовленности в лазании на скорость [9].

Цель статьи.

Целью статьи является сформировать модель соревновательной деятельности в лазании на скорость в рекордном формате.

Для решения поставленной цели нами были сформулированы следующие задачи:

- 1) Определить особенности технических действий и их порядок во время лазания по эталонному маршруту;
- 2) Выявить физиологические особенности в лазании на скорость;
- 3) Проанализировать возможные тактические решения в ходе соревновательного сезона.

Для описания соревновательной деятельности нами были проведены следующие исследования:

- Анализ научно-методической литературы;
- Описание эталонного маршрута для лазания на скорость;
- Физиологические особенности спортсменов специализирующихся в лазании на скорость;
- Модель соревновательной деятельности в лазании на скорость;
- Тактические особенности международных соревнований в лазании на скорость.

Мы проанализировали существующую научную литературу о дисциплине лазания на скорость, и выявили основные направления и проблемы современных исследований в этой сфере. Всего проанализировано 20 научных исследований иностранных авторов.

Для проведения педагогического исследования нами использовались следующие методы: анализ, синтез, видео анализ, методы математической статистики.

Для анализа и описания маршрута для лазания на скорость, а так же для моделирования соревновательной деятельности, нами были проанализированы этапы Кубка и Чемпионат мира за 2019 год. Для видео анализа мы использовали программу DartFish Pro со следующими инструментами: замедление 0,25 раза, раскадровка, совмещение картинок. Видео анализ проводился по следующим критериям: общее количество движений ногами и руками; количество использования ногами зацепов и трения; количество движений руками поочередно и одновременно. Всего было проанализировано 112 забегов. Нами учитывались финальный раунд, а именно парные забеги из 1/8.

активных особенностей ведения соревновательной деятельности в лазании на скорость на международном уровне мы изучали с помощью статистического анализа результатов соревнований за 9 прошедших лет (с 2011 по 2019 г). Нами учитывались самые быстрые и медленные забеги, а так же среднее время по всем забегам.

Во всем исследовании мы использовали исключительно успешные забеги: отсутствие срывов и критических ошибок во время лазания, которые приводят к значительному снижению времени на маршруте.

Для определения физиологических особенностей скалолазов, специализирующихся в лазании на скорость нами был проведен констатирующий эксперимент. Мы провели измерения способностей сердечно сосудистой системы (пульсометрия) в трех режимах работы спортсмена: предельном, субмаксимальном и умеренном. Фиксация ЧСС производилась с помощью датчика Polar H10 и приложения Polar Beat. В эксперименте приняли участие 18 членов взрослой и молодежной мужской сборной команды России.

Изложение основного материала.

Современные научные исследования о лазании на скорость не затрагивали анализ соревновательного маршрута. Все методики тренировок основаны на личном опыте тренеров и не описаны в научной литературе. Существует стандартная схема, по которой устанавливаются все зацепки на маршруте, относительно которой возможно отталкиваться в построении тактических приемов [10]. В схеме видно отличие больших зацепов и зацепов для ног. Общепринятым методом является нумерация больших зацепов по порядку, для упрощения объяснения тактических приемов. Проанализировав лазание на соревнованиях международного уровня, мы разделили эталонный маршрут на три части: стартовая, вариативная и финишная.

Анализ технических действий в лазании на скорость

Стартовая часть характеризуется двумя особенностями: статичное стартовое положение участника забега, и фиксированные расклады лазания. Отделенная часть длится вплоть до 6 зацепки и оканчивается положение правой руки на ней (Рисунок 1) Существует два паттерна прохождения стартовой части: классический и Tomoa skip.

Рис. 1 Схема расположения зацепов в стартовой части.

Классический заключается в прохождении стартовой части через 4 зацепку. Стартовое положение у спортсмена при этом наклонено по диагонали, для создания инерции в нужную сторону. В таком положении нога отставлена назад, для более мощного отталкивания влево. На рисунке 2 можно увидеть положение classic start, а так же направление движения указанного стрелкой.

Томоа skip заключается в пропуске 4 зацепки и прямо вертикальном прохождении стартовой части. Движение производится сразу с 3 на 5 и 6 зацепки. Стартовое положение при этом ровно вертикальное, так же как и положение толчковой ноги. На рисунке 2 можно увидеть положение при Томоа skip start, и вектор направления движения.

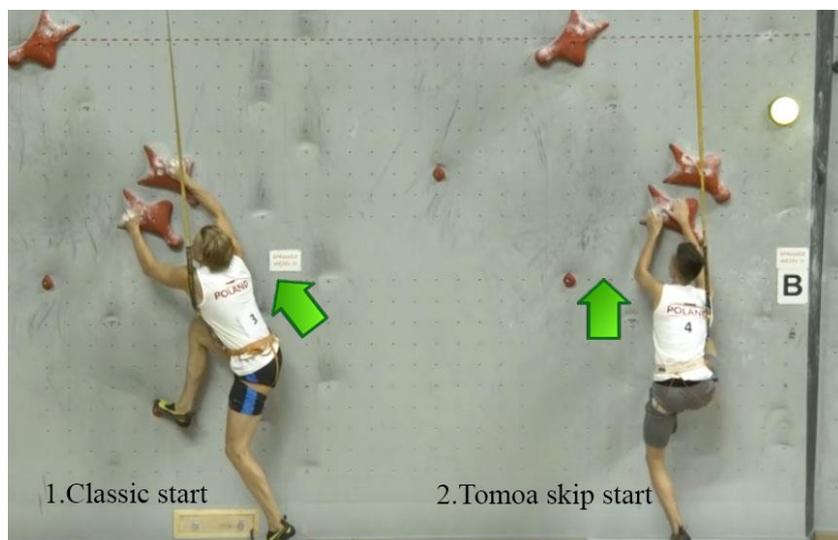

Рис. 2 Стартовые позиции Classic start (слева) и Томоа skip start (справа), с векторами направления движений.

Мы не рассматриваем движения ногами, так как направление движения задаются в основном за счет рук.

Вариативная часть.

Начиная с 6 зацепки и до 16 зацепки, идет вариативная часть. В зависимости от решения спортсмена существует множество вариантов ее прохождения. Сочетания движений руками и ногами, развороты туловища, использование трения и разновидности перехватов руками создают вариативность. На это участке чаще, чем на других происходят ошибки и срывы.

Финишная часть.

Эта часть эталонного маршрута является единственной, в которой возможен единственный вариант движений руками. Одновременное движение руками на 18 зацепку, после этого одновременное движение руками на 19 и 20, правой и левой руками соответственно, после чего касание финишной кнопки (рисунок 3). Отличия в финишной части заключаются лишь в движениях ногами.

Рис. 3 Очередность перехватов в финишной части эталонного маршрута.

Тактические особенности лазания на скорость

Для описания модели соревновательной деятельности мы пользовались следующими характеристиками:

- Время прохождения дистанции.
- Количество движений руками (поочередно и одновременно).
- Количество движений ногами (в трение и на зацепку).

Эти характеристики позволяют определить способность спортсмена к выполнению тех или иных движений в определенный промежуток времени.

Таблица 1

Характеристика ведения соревновательной деятельности в лазании на скорость на различном уровне, $\bar{x} \pm \sigma$.

№	Характеристика	Мужчины, n=112		Женщины, n=112	
		Международный	Всероссийский	Международный	Всероссийский
1	Время преодоления дистанции, секунд	6,00 ± 0,23	6,43 ± 0,77	8,05 ± 0,36	9,18 ± 0,99
2	Количество движений руками (общее), раз	16,67 ± 0,93	17,01 ± 0,92	19,37 ± 0,73	19,87 ± 0,71
3	Количество движений руками (поочередно), раз	9,22 ± 1,01	8,8 ± 1,15	7,34 ± 1,39	8,1 ± 1,42
4	Количество движений руками (одновременно), раз	3,77 ± 0,75	4,2 ± 0,77	6,01 ± 0,67	5,15 ± 0,65
5	Количество движений ногами (общее), раз	17,29 ± 1,66	17,5 ± 1,19	19,47 ± 1,05	21,11 ± 2,12
6	Количество движений ногами (опора на зацепки), раз	13,22 ± 1,14	13,3 ± 0,72	15,38 ± 1,12	16,87 ± 1,54
7	Количество движений ногами (опора в трение), раз	4,06 ± 0,85	4,1 ± 1,06	4,1 ± 1,06	4,89 ± 1,22

В ходе видеонализа нами были выявлены следующие стороны технической подготовленности: количество движений руками и ногами в разных положениях в секунду, а так же отличия в технике лазания у мужчин и женщин в лазании на скорость. В таблицах 6 и 7 указаны усредненные данные по результатам видеонализа.

Средние значения движений руками у мужчин равняется 16,67 раз. При среднем времени прохождения в 6 секунд, мы получаем значение количества движений руками в секунду, равное 2,78 раз/сек. Таким же образом мы рассчитали количество движений ногами, равное 2,88 раз/сек. За один забег мужчины делают 9,22 перехвата руками поочередно (55% от всех перехватов) и 3,77 перехвата руками одновременно. Такая разница в количестве перехватов может послужить основанием для суждения о том, что мужчинам необходимо уделять внимание для тренировки физических показателей рук и по отдельности и одновременно в равной степени. В течение забега мужчины намного чаще толкаются ногами от зацеп (13,22 раза), чем от трения (4,06 раза). Это говорит о необходимости тренировок отталкивания от стабильных опор, подходящих по принципу работы на эталонные зацепы.

В женской технике лазания на скорость присутствуют иные характерные черты. Средняя частота движения руками равна 2,45 движений/сек, что меньше чем у мужчин на 0,32 раз. Так же и в движениях ногами, частота равна 2,53 движений/сек и разницей в 0,35 раз. Такая ситуация объясняется общим отставанием результативности женщин и физиологических особенностями их организма. Но очевидна разница между количеством поочередных

и одновременных движений, которые равны 7,34 и 6,01 раз, соответственно. Одновременные движения составляют 60% от всех движений во время забега, что говорит о необходимости уделять больше внимания на развитие такого типа движений. Движения ногами, так же как и у мужчин преимущественно выполняются с толчком от зацеп (15,38 раз), в то время как от трения всего 4,1 раз.

В международном сезоне 2019 года максимально возможное количество финальных забегов 112. У мужчин и женщин только 79 забегов в финальных раундах оказались успешными, то есть отсутствовали ошибочные забеги: срывы, фальстарты, остановки во время бега, приводящие к проигрышу в паре. Таким образом только 70% всех забегов в финальных раундах являются успешными. На рисунке 4 представлен график динамики изменения количества успешных забегов в течение сезона. Минимальное количество успешных забегов в обеих группах равен 9. У мужчин такое значение было достигнуто лишь однажды на втором этапе кубка мира в Chongqing, Китай.

В женских соревнованиях 9 успешных забегов были 3 соревнованиях из 7, которые находятся в середине. У мужчин не наблюдается стабильной динамики изменения успешных забегов о чем говорит обратное изменение динамики после каждого соревнования. В то же время у женщин от начала сезона присутствует снижение данного показателя к середине с явным плато стабильности лазания и резким подъемом стабильности лазания, к концу сезона показывая наилучший результат в 15 успешных забегов из 16.

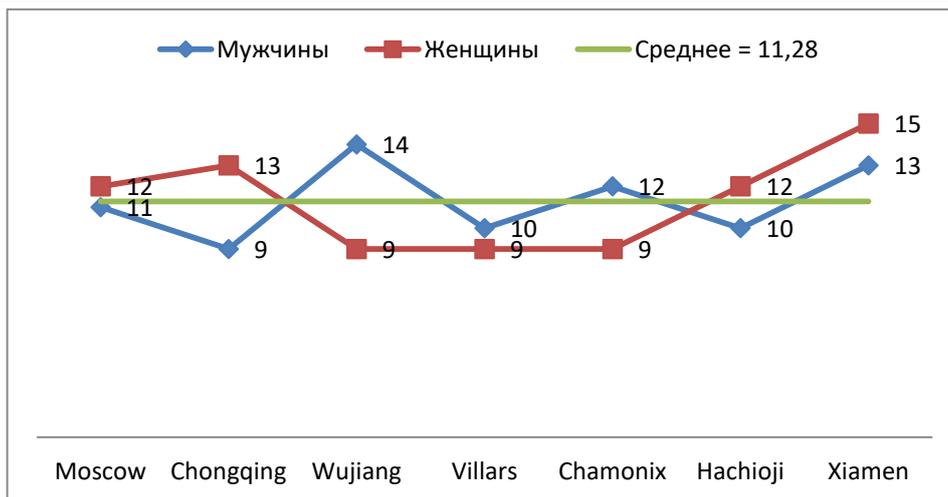

Рис. 4 Сравнение количества успешных забегов у мужчин и женщин в течении сезона 2019.

При таких явных отличиях в динамике изменения успешных забегов в течение сезона, среднее количество успешных забегов и у мужчин и у женщин равно 11,28. Стандартное отклонение более точно показывает сильный разброс в стабильности лазания в течение сезона: мужчины – 1,78; женщины – 2,36. По стандартному отклонению можно отследить насколько низкий разброс в успешных забегах, а так же насколько результаты всего сезона близки к среднему значению. Так же значение стандартного отклонения в данном случае может говорить о значимости стабильного лазания.

Подробно рассматривая динамику изменения рекордных и средних времен в течение сезона, мы можем оценить тактические решения для каждого этапа, а так же зависимость между рекордным и средним временем лазания.

У мужчин в течении сезона четко прослеживается изменение и рекордного и

среднего времени от первого международного соревнования к заключительному (рисунок 5). Первые 4 старта по средним показателям ниже чем средний показатель за весь год, и только Чемпионат мира в Hachioji и заключительный этап кубка Мира в Xiamen показали значительное улучшение времени средних и рекордных забегов. Это говорит о необходимости подведения пика формы к заключительным этапам международного сезона, и ставить в приоритет улучшение времени рекордного лазания. До этого важным показателем будет стабильность лазания и показатель находящийся в границах усредненных значений. Так же внимание следует обратить на то, что графики различных показателей не пересекаются, это говорит о том, что к самым «быстрым» стартам время улучшается не значительно и подготовка стабильного времени лазания и рекордного отличаются.

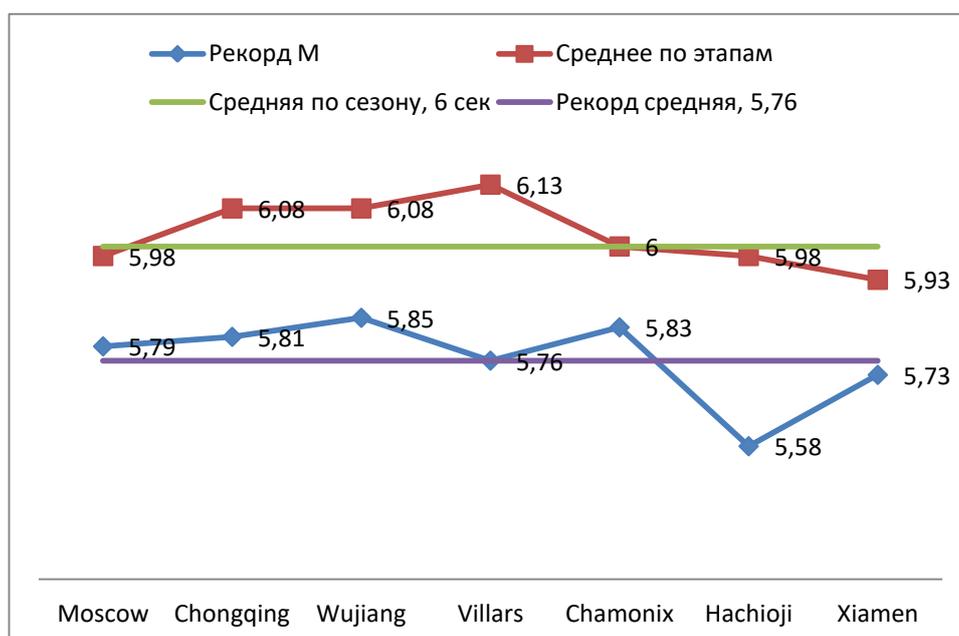

Рис. 5 Динамика изменения рекордного и среднего времени у мужчин в течении сезона 2019.

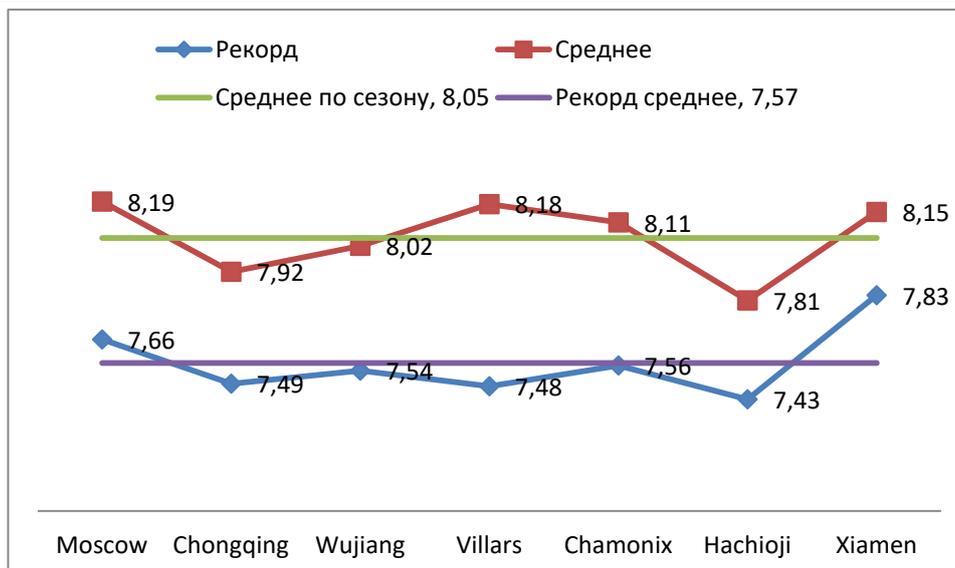

Рис. 6 Динамика изменения рекордного и среднего времени у женщин в течении сезона 2019.

У женщин график среднего и рекордного времени отличается от мужского (Fig. 6). Показатели среднего времени по каждому этапу и среднего по всему году пересекают друг друга 4 раза, что не дает возможности говорить о пользе выбора тактики стабильного лазания. Но рекордное время находится в приоритете на протяжении всего сезона, исключая первый и последний соревнования. Такая картина говорит о приоритете выбора за подготовкой рекордного времени лазания. Так же как и у мужчин наилучшие показатели зафиксированы на Чемпионате Мира в Nachioji, но заключительный этап кубка мира показал, наоборот, наихудшие показатели. Рекордное время на заключительном этапе было больше, чем среднее время на предыдущем Чемпионате Мира.

Физиологические особенности в лазании на скорость

По данным многих исследований рассмотренных ранее, в скалолазании имеют большое значение антропометрические показатели. Для изучения влияния антропометрических показателей мы измеряли: рост, вес, длину ноги, размах рук. Корреляционный анализ показал высокую взаимосвязь всех этих показателей друг с другом. (Таблица 2) Такая взаимосвязь показывает, что нет необходимости измерять все показатели по отдельности, достаточно измерять один удобный показатель. Большую взаимосвязь с остальными показала длина ноги, данный показатель мы и будем брать в дальнейшем за основу измерений.

Таблица 2.

Таблица корреляции основных антропометрических показателей.

	Длина ноги, см	Рост, см	Вес, кг	Размах рук, см
Длина ноги, см	1			
Рост, см	0,819*	1		
Вес, кг	0,721**	0,661**	1	
Размах рук, см	0,765*	0,703**	0,550	1

Примечание: $p < 0,05^{**}$, $p < 0,01^{*}$

Так же при сопоставлении антропометрических показателей с техническими мы выявили взаимосвязь количества отталкиваний ногами от зацепки ($p < 0,01$) со следующими показателями: рост ($r = -0,886$) и длина ноги ($r = -0,792$). С меньшей достоверностью ($P_0 < 0,05$) с тем же техническим показателем выявлены взаимосвязи: вес ($r = -0,657$) и размах рук ($r = -0,773$). Это говорит о том, что спортсмены высокого роста и с длинными конечностями достоверно используют меньше зацепок для ног. Что примечательно, отсутствует достоверная взаимосвязь с общим количеством движений руками и ногами.

Лазание на скорость имеет спринтерский характер. Об этом говорит в первую очередь реакция организма на совершение соревновательных действий. Однако стоит уделить отдельное внимание интенсивности преодоления дистанции, которые мы разделили на 3 типа: предельный, субмаксимальный, умеренный (рисунок 7). Данные типы отличаются временем преодоления дистанции, пиковой ЧСС в послерабочий период, а так же шансом на неудачное прохождение дистанции (срыв, фальстарт, ошибочные движения).

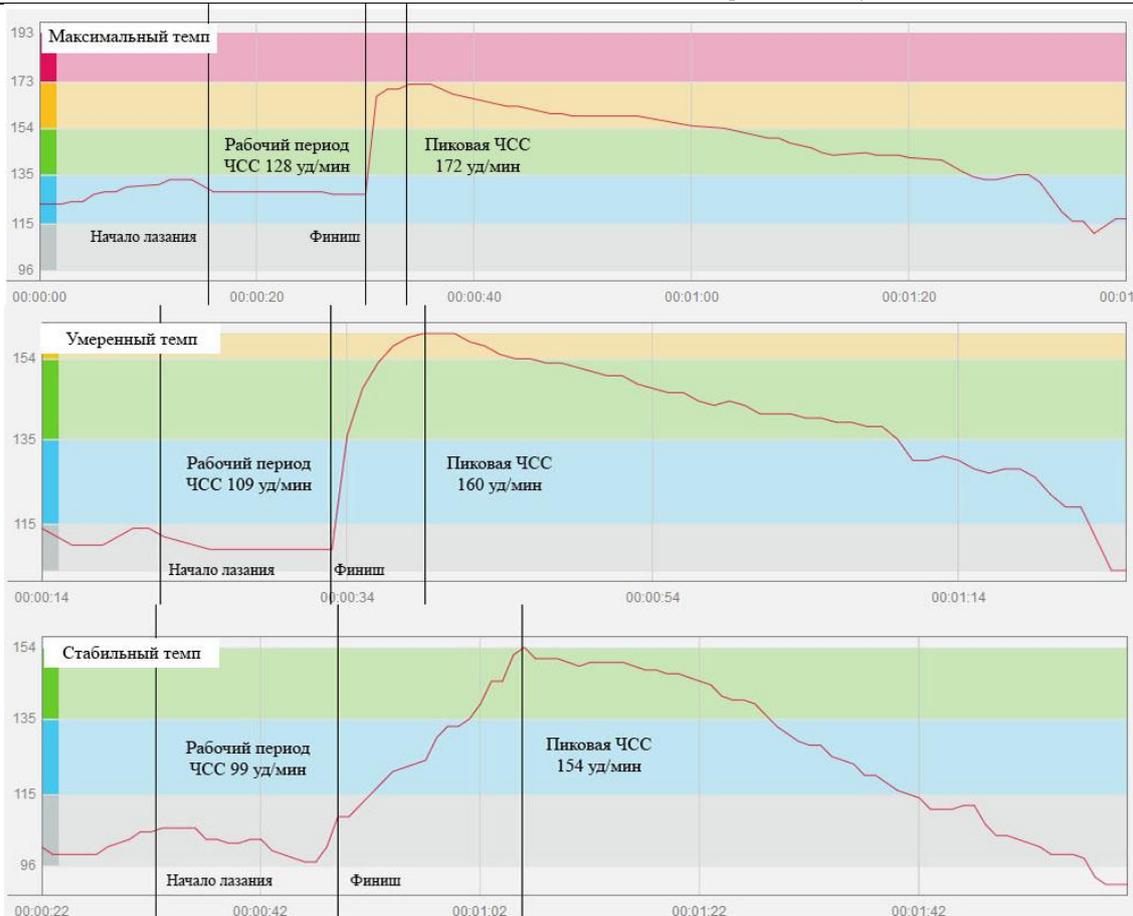

Рис. 7 Показатели ЧСС во время прохождения соревновательной дистанции в различном темпе.

Более низкий пульс и меньшее время восстановления дает возможность к более длительной и частой работе на соревновательной дистанции. В сочетании с верной тактической подготовкой, использование этих 3 типов интенсивности позволит более точно выстраивать соревновательную деятельность.

Выводы и предложения.

1. Стандартизированное использование разделения эталонной трассы позволит улучшить техническую и тактическую подготовку спортсменов, специализирующихся в лазании на скорость.

2. Используя полученные данные о результативности на начало и конец соревновательного сезона, можно прогнозировать среднее время лазания и выстроить тактический план выступления.

3. Знания о физиологических особенностях во время соревновательной деятельности позволят скорректировать функциональную подготовку спортсменов в соответствии с поставленными задачами.

Список литературы:

1. M. Deyhle, H.Hsu, T. Fairfield, T. Cadez-Schmidt, B. Gurney, C. Mermier, Journal of Strength and condition research 29(7), 2006 (2015)
2. A. Sheel, Br. J. Sports Med. 38, 355 (2004)
3. L. Giles, E. Rhodes, J. Taunton, Sports Med. 36(6), 529 (2006)
4. M. Michailov, L. Mladenov, V. Schoffl, Medicina sportiva 13(4), 230 (2009)
5. F. Fuss, G. Niegl, The engineering of sport 6, 56 (2006)
6. M. Krawczyk, M. Ozimek, R. Rokosowski, M. Pocięcha, P. Draga, Proceedings of the international Scientific Conference Society.Integration Education. Vol. IV, 118 (2018)
7. M. Krawczyk, M. Ozimek, Antropomotoryka. JKES 66(24), 25 (2014)
8. M.Ozimek, M. Krawczyk, R. Rokosowski, P. Draga, T. Ambrozy, D. mucha, J. Omorczyk, A. Stanula, M. Pocięcha, K. Gorner, Trends in Sport Sciences 3(25), 149 (2018)
9. O. Shulga, sport science of Ukraine 1(59), 14 (2014)
10. IFSC Speed Licence Rules, No 4-1, 27 (2014)

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE MORAL EDUCATION OF PRESCHOOL CHILDREN

Алиева Саадет Бадал гызы

*доктор философии по педагогике, ст. преподаватель,
Бакинский государственный университет (Газакхский филиал)*

РОЛЬ СЕМЬИ В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.96

Summary. The article examines the role of the family in the moral education of preschoolers. This problem is presented in both historical and contemporary contexts. At the same time, the methods used in moral education are explained. The questions of the influence of such methods on the child as interviews, artistic reading and storytelling, games, encouragement and punishment, etc. are considered.

The article talks about the views of various Azerbaijani teachers on moral education. It is also emphasized that morality is one of the forms of social consciousness and its importance in human life is very important. Morality is a concept that is always used and accepted by everyone in different ways.

Аннотация. В статье исследуется роль семьи в нравственном воспитании дошкольников. Эта проблема представлена как в историческом, так и в современном контексте. В то же время объясняется используемые в нравственном воспитании методы. Рассматриваются вопросы влияния таких методов на ребенка как интервью, художественное чтение и рассказывание, игры, поощрение и наказание и т.д.

В статье говорится о взглядах различных азербайджанских педагогов на нравственное воспитание. Также подчеркивается, что нравственность – одна из форм общественного сознания и ее значение в жизни человека очень важна. Нравственность – это понятие, которое всегда используется и принимается всеми по-разному.

Key words: *preschooler, family, moral education, methods, interviews, artistic reading and storytelling, games, encouragement and punishment, patriotism, social environment.*

Ключевые слова: *дошкольник, семья, нравственное воспитание, методы, интервью, художественное чтение и рассказывание, игры, поощрение и наказание, патриотизм, социальная среда.*

Введение. Независимо от того, в какое время живем, мы часто слышим такие выражения как нравственность, мораль, благонаправный, воспитанный, вежливый, честный. Каждый понимает выражение нравственность в определенном смысле. Однако было бы целесообразно представить научное содержание выражения.

«Нравственность – это форма общественного сознания, совокупность качеств, принципов и правил, определяющих духовный образ человека, отношение к себе, другим, работе и обществу в целом. Он возник в ходе вековой борьбы человечества за выживание. И во все периоды истории отношения между людьми проявлялись в морали. После возникновения религии она оказала сильное влияние на нравственность и сыграла решающую роль в формировании ряда норм поведения» [2, с.88].

Роль нравственного воспитания во всестороннем развитии подрастающего поколения отличается своеобразием. Существуют также радикальные моменты в вопросах возникновения нравственного воспитания, Проф. А.Аббасов пишет: «Этику называют наукой о морали. Она выражает область ее изучения, но еще не определяет предмет. Предмет этики исторически меняется. Прежде всего, изменению подвергается сам объект изучения – мораль, нравственность. Как известно, содержание и характер нравственности в

разных социально-экономических формациях были разными... Являющаяся формой общественного сознания мораль в связи с изменениями в экономической жизни общества также меняется и приобретает новое значение. Нет морали, которая не изменилась бы, и правила морали, которые могут показаться неизменными, менялись в разное время» [1, с.5-6].

Методы и организация исследования. Проблема нравственного развития детей дошкольного возраста актуализируется сложившейся ситуацией в современном обществе. Известно, что основы воспитания закладываются в семье. Позже, в детском саду и школе, эта работа продолжается в более совершенной форме. Если посмотреть на любой компонент образования, во всех них можно увидеть эту последовательность. Разумеется, речь идет о привитых в правильной и совершенной форме качествах.

Педагог не может достичь своей цели, не зная методов и средств нравственного воспитания дошкольников, их содержания и способов применения, педагогического воздействия. Особое воздействие на ребенка в этом плане оказывают такие методы как интервью, художественное чтение и рассказывание, игры, поощрение, наказание и т.д.

Интервью. Этот прием используется как метод умственного и нравственного воспитания с целью уточнения знаний дошкольников, развития

их мышления и речи. У детей интервью, собеседование можно разделить на два типа по заданию и содержанию: познавательное или когнитивное, и нравоучительное.

Основная задача когнитивных собеседований – проверить, уточнить или обобщить знания детей о других людях и развить их независимое мышление. В основе таких интервью – восприятие детей, предметов и событий окружающего их материального мира.

Хотя целью нравоучительных собеседований в основном является формирование у детей моральных качеств, нет сомнений в том, что эти собеседования заставляют их думать, запоминать, воображать, обобщать свои знания и выражать их в речи, тем самым способствуя умственному развитию» [4, с.58].

В нравственном воспитании дошкольников также отличается своеобразием **метод художественного чтения и рассказывания.**

Метод художественного чтения и рассказывания является также лучшим выражением детских идей. Воспитатель рассказывает детям историю. В этой истории дети переживают эти события заново и сравнивают их с современностью... Метод художественного чтения и рассказывания помогает детям развивать и совершенствовать свою речь. Художественное чтение и рассказывание требует определенной подготовки, знания текста и умения его интерпретировать. Рассказ должен создавать яркие образы в воображении зрителей и волновать их. Влияние рассказа на детей зависит от качества подготовки воспитателей» [4, с.59].

Конечно, для каждой возрастной группы целесообразно рассказывать подходящие для их возраста сказки. Потому что тогда дети быстрее понимают значение. Сказки, рассказы можно взять из произведений детских писателей, написанных для разных возрастов. Это также может быть продуктом личного мышления педагога.

Роль игры в нравственном воспитании. Детство считается важнейшим периодом становления личности. В эти годы ребенок приобретает первоначальные представления об окружающем мире. Игра – это реальность, которая окружает ребенка. Именно необходимость быть активным побуждает его играть. Процесс обучения ребенка в игре очень легкий и быстрый. В связи с этим большое значение имеют развивающие игры для детей. Таким образом, развивающие игры развивают у детей речь, внимание, память, логическое мышление, творческое воображение.

Игра влияет на физическое развитие и здоровье ребенка, прививает у него такие положительные качества, как дружба и товарищество, честность и порядочность, коллективизм, дисциплина, делится игрушкой со сверстниками, не причиняет вреда сверстникам и так далее. В этом смысле игра практически питает жизнь ребенка, делает ее красочной, интересной и красочной.

Во время игры дети должны быть более честными, верными, аккуратными, мужественными и необходимо создавать условия для формирования у них этих качеств.

«Выдающийся азербайджанский педагог профессор Мардан Мурадханов воспринимал игру в двух смыслах и отмечал, что, во-первых, ребенок занимается игрой с игрушками или без них, а во втором случае – вся жизнь, быт, внешкольная жизнь ребенка организовывается в игровой форме» [4, с.61]. Он делит детство на два периода: 1) дошкольный период; 2) школьный период.

Дошкольники проводят большую часть времени за игрой, иногда выполняя небольшие задания. Даже эти работы они часто делают играя. Он каждый день готовится к школе, участвует в общественно-полезном труде и ответственно подходит к работе. Но в этот период он любит игру и хочет поиграть.

Детские игры проводятся в разном возрасте. Каждая возрастная группа имеет свои особенности. Детские игры имеют большое значение для развития. Чем больше ребенок играет, тем выше его восприятие, зрелость и позитивное отношение к жизни. Конечно, между играми ребенка и реальным миром вокруг него нет «китайской стены», игры, в которые он играет, тесно связаны с окружающим миром, с деятельностью взрослых. Сегодня, несмотря на всевозможные игрушки, дети используют окружающую среду, предметы, воду, грязь, деревья, растения, животных и людей как средство игры. Из сказанного ясно, что характеристики ребенка, проявляющиеся в процессе игры, формируются под влиянием исторического периода, в котором он живет – географической, экономической, микро- и макросреды, культурных условий.

«Детские игры усложняются в 4-5 лет. «Магазин», «Больница», «Школа» и др. У игр есть уникальное преимущество. В таких играх совмещается индивидуальный труд и коллективный труд. Принцип «один за всех – один за всех» реализуется, хотя и очень просто.

Дети 5-6 лет часто сами определяют содержание игры, добавляя к ней свои фантазии. Они показывают недостатки друг друга в игровом процессе. В этом возрасте творческие игры играют важную роль в деятельности детей. Дети думают о правилах игры, которые они устанавливают, и каждый контролирует расширение установленных правил в своей роли [4, с.61; 63].

Поощрение дошкольников. Для детей важно, чтобы их воспитатели правильно оценивали их положительные действия в жизни. Цель наблюдения за положительными действиями детей и их поощрения – помочь им развить в будущем другие положительные моральные нормы поведения. Своевременная оценка правильных действий дает ребенку чувство уверенности в себе и позволяет достичь более совершенной формы в следующем периоде. Хотелось бы также отметить, что слишком большое сочувствие также может

привести к самоудовлетворению и скептицизму у ребенка. Поэтому к этому процессу нужно подходить по мере возможности.

Наказание в нравственном воспитании.

«Наблюдения показывают, что в некоторых семьях родители ошибаются в выборе вида наказания за то или иное негативное поведение ребенка. Во многих семьях из-за плохого воспитания с первого дня дети крайне недисциплинированы, не хотят слушать пожилых людей, нарушают правила, грубо обращаются со своими младшими братьями и сестрами и соседями, лгут и т.д., они делают ошибки. Конечно, при необходимости такие дети наказываются родителями. Наказание назначается ребенку для того, чтобы устранить недостатки в его действиях и направить его деятельность в правильное русло. В результате правильного наказания ребенок понимает свой проступок и старается не допустить, чтобы это повторилось в будущем. Однако когда ребенок, особенно дошкольник, видит то или иное негативное поведение, гнев родителей, телесные наказания и побои, все это серьезно сказывается на развитии ребенка, психических процессах и самооценке [4, с.67-68].

В целом, телесные наказания никогда не считались достойным положением. Хотя в начале века, в то же время, в некоторых фильмах это подчеркивалось. Однако его использование никогда не заканчивается положительным результатом. Напротив, трусость заставляет ребенка забыть то, что он знает.

Наказание вызывает чувство стыда и страдания в ответ на неприятное отношение и действия. Правильное и справедливое наказание прививает человеку чувство ответственности, укрепляет волю, укрепляет чувство собственного достоинства, понимать свои ошибки и менять отношение и поведение.

В воспитательной работе используются разные виды наказаний: порицание, устные и письменные выговоры, обсуждение проступков на собрании, лишение человека определенных удовольствий (поход в кино, прогулка, игры и т.д.), смена класса (школы), исключение из школы и т. д. Например, ребенок, который не выполняет свою домашнюю работу, остается после школы и выполняет ее, ребенок, который ломает парту или царапает стену, ремонтирует ее, делает это снова, когда видит плохую работу, ему не разрешают хорошо играть и т.п.

При применении наказания необходимо учитывать характер правонарушения и индивидуальные особенности ребенка.

Наказание и поощрение – очень тонкие методы воспитания. Неправильное их использование может навредить воспитательной работе [5].

Следует отметить, что родители не должны делать вывод о том, что ребенка нельзя наказывать за негативные действия. Проступки ребенка можно довести до его сведения, родитель может сделать ему выговор, в наказание лишить прогулки,

проявить к нему временное безразличие, сообщить наставнику и учителям.

Применяя эти наказания, родитель должен также учитывать, уместно ли наказание за проступок ребенка. Таким образом, родитель должен верить, что ребенок будет воспитан, и смотреть на ребенка с оптимизмом.

Когда говорим о нравственном воспитании, грех не вспоминать о *понятиях Родина и патриотизм*.

С точки зрения гражданской позиции всех нужно воспитывать в духе патриотизма. Воспитание молодого поколения в духе патриотизма важно с точки зрения национальной безопасности. Патриотизм и государственность – важные основы идеологии азербайджанства. Являющаяся носителем идеологии азербайджанства позиция патриотизма считается очень важным элементом в процессе государственного строительства. С этой точки зрения восстановление территориальной целостности, что являлось первоочередной проблемой Азербайджана, справедливое урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта, освобождение оккупированных земель является одним из основных положений национальной идеологии, общим делом и общей целью азербайджанцев всего мира.

Исследования доказывают, что гражданское воспитание в семье должно организовываться не только спонтанно и вслепую, но и планомерно, систематично и целенаправленно. Гражданское воспитание детей означает приобретение высоких нравственных качеств и развитие как личности. Они должны знать правила поведения, дисциплину, грамотность, историю, географию, культуру, родословную, национальные традиции Родины, любить Родину. Детей нужно воспитывать в идее, у них должен быть сознательный подход к делу, они должны быть ответственными, честными, воинственными и не мириться с плохими намерениями.

Важную роль в патриотическом воспитании также играет социальная и общественная среда. События общественной жизни – это события, которые относятся обществу и происходят в жизни общества. В наше время знакомство дошкольников с событиями общественной жизни, обращаясь к национально-нравственным ценностям, является важной задачей образовательной системы. Под влиянием окружающего мира дети начинают понимать общественные события, приобретают такие нравственные качества, как любовь к людям, сострадание к ним, доброта, уважение к труду пожилых людей, любовь к Родине, родному народу, его обычаям и традиции. Важную роль в воспитании будущих школьников играет знакомство дошкольников с историей, бытом, обычаями, национальными праздниками и религиозными обрядами, современными общественно-политическими событиями страны и народа.

Эксперимент и прогулки для знакомства с социальной средой повышают мировоззрение детей. Спланированные и хорошо организованные прогулки и экскурсии дают детям полное представление об окружающей среде и социальной среде, и они могут надолго запомнить то, что они здесь видят. Такое знакомство создает у детей условия для развития таких чувств, как заботливое отношение к людям, трудолюбие, уважение к пожилым людям, дружба, товарищество, патриотизм. У них формируется речь, обогащается словарный запас, развиваются мыслительные процессы, увеличивается количество положительных черт в их личности и чертах характера. В то же время прогулки и экскурсии сильно влияют на художественный вкус и физическое развитие детей. Во время прогулок и экскурсий они узнают, что все создано трудом, без труда жить невозможно. Стоит отметить, что экскурсии и прогулки не только близки друг к другу, но и имеют разные характеристики.

Уважение и любовь к матери – важное нравственное чувство.

Главный вопрос в воспитании – это его правильная организация. От отца и матери требуется правильно организовать семейное воспитание. В этом организаторском деле у отца и матери имеются своеобразные позиции.

Несомненно, в воспитании детей велика роль матери. Н.К. Крупская справедливо называет свою мать «прирожденным педагогом». Всем известна безусловная любовь матери к своему ребенку и ее безграничное самопожертвование ради его благополучия. Мать начинает беспокоиться еще до рождения ребенка. Даже после рождения ребенка ответственность за его воспитание, защиту от всех видов болезней, проведение бессонных ночей в постели, когда он болен, а также за его воспитание с большим терпением и настойчивостью лежит в основном на матери. Чувство материнства наполняет жизнь женщины и украшает ее. Женщина своим чувством материнства привносит в семейную жизнь нравственную чистоту и искренность.

Успех семейного воспитания зависит от совместного участия отца и матери в воспитании, от единства всей воспитательной деятельности.

«Даже в младенческом возрасте ребенка отец может и должен помогать матери. Отец должен выводить ребенка на прогулку, рассказывать ему истории, развлекать его и заботиться о нем. По мере взросления ребенка роль отца в воспитании семьи возрастает. Гулять с ребенком в детском саду, разговаривать с ним о разных событиях, вместе фотографироваться, читать книги – это очень поможет отцу правильно воспитать ребенка» [3, 47-48].

Использование национальных и нравственных ценностей в воспитании дошкольников – важный нравственный критерий. Таким образом, роль национальности в образовании, идеи в этом направлении играют важную роль в этом аспекте.

По мнению Антона Семеновича Макаренко, в первую очередь, ребенок должен рождаться в здоровой среде [6]. То есть в семье должны быть свои семейные нормы и семейные роли. Семейные роли определяются как роль родителей, а затем и других членов семьи. Спокойная семейная обстановка оказывает сильное влияние на самооценку ребенка. Это не означает беспроблемную семью. Проблемы могут быть в каждой семье, между каждым родителем и ребенком. Ключ в том, как решить эту проблему. Отношения, основанные на любви и уважении, считаются наиболее точной моделью родительско-детских отношений.

Священная исламская религия рекомендует воспитывать ребенка в утробе матери. В исламе есть конкретные инструкции и рекомендации относительно того, что мать чувствует, что она слышит, как она относится к окружающим, и как то, что она ест, влияет на физиологическое здоровье и духовную чистоту ребенка.

«Хотя роль среды в формировании характера ребенка очень велика, первая система воспитания, с которой он сталкивается, – это семья. Поэтому необходимо учитывать, что с самых первых дней отношение родителей к ребенку, их поведение между собой и другими людьми фиксируется ребенком и закрепляется в его чистом мозгу. Ребенок, который имитирует действия своих родителей, учится всем их путям. Спросите Сократа: «Почему вы часто разговариваете с подростками?» На вопрос он ответил: «Потому что легче сделать тонкие и потные ветки, а дерево невозможно сделать свежим и сухим» [6].

Закключение. Все это свидетельствует о том, что нравственное воспитание дошкольников требует от персонала дошкольных учреждений и родителей трудолюбия, ответственности, педагогических знаний и умений.

Таким образом, родители должны стараться привить детям коллективизм, патриотизм, дружбу и т.д., привить им такие важные качества и помочь им работать вместе со своими семьями. Велико значение семьи в формировании нравственных качеств у ребенка дошкольного возраста.

Список литературы:

1. Abbasov A.N. Milli əxlaq və ailə etikası. Bakı: Mütərcim, 2010.
2. Bədəlova Ə.S. Təlim-tərbiyə. Bakı: ADPU, 2015.
3. Əliyeva N.R. Məktəbəqədər yaşlı uşaqların ailədə tərbiyəsi. Bakı: ADPU, 2018.
4. Vəliyeva Z.İ. Məktəbəqədər yaşlı uşaqların əxlaq tərbiyəsi. Bakı: ADPU, 2012.
5. (<https://aztehsil.com/mel/112-trbiynin-metodlar.html>).
6. <http://qadinla.com/hamilelik-analiq/usaqlari-terbiye/37888-usaq-terbiyesi-bir-senetdir.html>

Bogus M. B.*doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Technologies,
Adyge State University***PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE EFFECTIVENESS OF PROBLEM-BASED LEARNING IN PRIMARY SCHOOL****Богус Мира Бечмизовна***доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики и педагогических технологий,
Адыгейский государственный университет***ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВИЗАЦИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ
В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ**DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.97](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.97)

Abstract. The article substantiates the relevance of the effectiveness of problem-based learning in primary school. The paper reveals the structure of the activities of teachers and students in the context of problem-based learning. The author presents the essence of the problem situation and the methodological features of its implementation in primary school as the main component of problem-based learning. The paper presents a set of teaching methods that are effective in organizing problem-based learning in primary school. As effective methods of problem-based learning, the author reveals the essence of the methods of monological, reasoning and dialogical presentation, heuristic method, method of research tasks, modeling, and project method. The paper presents the essence of problem dialogue and simulation-game problems as effective ways to organize problem-based learning in primary school. The author presents a set of pedagogical conditions that contribute to the effectiveness of problem-based learning in primary school, such as taking into account the cognitive needs and cognitive abilities of younger students, including a system of problem situations in the educational process, using problem dialogue and imitation-game problems in the educational process.

Аннотация. В статье обосновывается актуальность эффективизации проблемного обучения в начальной школе. В работе раскрыта структура деятельности учителя и обучающихся в условиях проблемного обучения. Автором приведены сущность проблемной ситуации и методические особенности её реализации в начальной школе как основного компонента проблемного обучения. В работе представлен комплекс методов обучения, эффективных в организации проблемного обучения в начальной школе. В качестве эффективных методов проблемного обучения автором раскрыта сущность методов монологического, рассуждающего и диалогического изложения, эвристического метода, метода исследовательских заданий, моделирования, метода проектов. В работе представлена сущность проблемного диалога и имитационно-игровых проблем, как эффективных способов организации проблемного обучения в начальной школе. Автором приведён комплекс педагогических условий, способствующих эффективизации проблемного обучения в начальной школе, как учёт познавательных потребностей и познавательных способностей младших школьников, включение в учебный процесс системы проблемных ситуаций, использование в образовательном процессе проблемного диалога и имитационно-игровых проблем.

Key words: problem-based learning, pedagogical conditions, primary school student, problem situations, lesson.

Ключевые слова: проблемное обучение, педагогические условия, младший школьник, проблемные ситуации, урок.

Постановка проблемы. На современном этапе в социуме происходит изменение целевых ориентиров в формировании личности обучающихся – доминирующая позиция отводится задаче формирования активной, творческой личности, способной самостоятельно принимать конструктивные решения, в свою очередь способствующая повышению эффективности образовательного процесса, развитию личностного потенциала подрастающего поколения и, тем самым, обеспечивающая прогресс общества. Разрешение данной задачи обязывает к применению новых действенных подходов к

реализации образовательного процесса.

Достижение задачи качественного и количественного повышения уровня развития подрастающего поколения, формирование познавательного интереса у обучающихся возможно при активизации в учебном процессе проблемного обучения.

При организации проблемного обучения необходимо планирование гармоничной системы проблемных ситуаций с заданиями, пронизывающими все этапы учебного процесса и способствующие овладению содержания образования. Создание ситуации продуктивной

проблемности в процессе обучения и представляет значительную педагогическую трудность как для учителей, в целом, так и для педагогов начальной школы, в частности, что связано с недостаточной разработанностью методических аспектов реализации проблемного обучения.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению психолого-педагогических проблем организации проблемного обучения посвящены труды учёных: М.А. Данилова, В.Т. Кудрявцева, И.Я. Лернера, М.И. Махмутова, А.М. Матюшкина и др. Весомый вклад в разработку теоретико- методических основ проблемного обучения внесли А.М. Матюшкин, М.И. Махмутов [6,7]. Учёными раскрыты основные идеи и их психологические основания, способствующие выработке дидактических приемов, направленных на развитие креативности обучающихся. А.В. Брушлинский, Т.В. Кудрявцев, М.И. Махмутов, А.М. Матюшкин, В. Окунь разработали систему понятий и положений, сформулировали теорию проблемного обучения, тем самым уделив первостепенное значение созданию проблемной ситуации и проблемности в обучении. Также весомым вкладом в развитие методики организации проблемного обучения является разработанная И.Я. Лернером и М.К. Скаткиным классификация методов проблемного обучения.

Проведенный анализ научной литературы свидетельствует о наличии значительной научной базы по организации и реализации проблемного обучения в современном образовательном пространстве. Вместе с тем, педагогические условия эффективизации проблемного обучения в начальной школе не получили достаточного освещения и остаются малоизученными.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Проведенный анализ теории и практики обучения младших школьников позволил нам выявить противоречия:

– между высоким потенциалом проблемного обучения в развитии личности обучаемых и его низкой реализуемостью в начальной школе;

– между высокой степенью актуальности развития интеллектуальной сферы младших школьников и ограниченным применением в процессе их обучения одного из эффективных способов - проблемного обучения.

Выявленные противоречия позволили сформулировать проблему исследования: каковы педагогические условия эффективизации проблемного обучения в начальной школе?

Цель статьи. Цель исследования: определить педагогические условия эффективизации проблемного обучения в начальной школе.

Изложение основного материала. Значимые изменения в развитии личности человека выпадают на младший школьный возраст: формируются основы знаний об окружающей действительности, доминирующие умения и навыки. Именно от

качества учебного процесса в этот период жизни зависит дальнейший путь развития ребенка, от рациональных действий учителя зависит развитие креативной личности.

В проблемном обучении цель субъект-субъектного обучения заключается в активном творческом познании обучающимися теоретического материала, механизм которого соответствует научному исследованию, что предполагает осознанное осмысление учебного материала на уровне понятий, образов и эмоций. Следовательно, деятельностью обучающего и обучающегося является выстраивание теоретического и практического исследования – проблемы, гипотезы, доказательств, выводов [5, с.46].

Поисковая деятельность в образовательном процессе придаёт ему характер проблемности. В соответствии с этим, ключевым компонентом проблемного обучения выступает проблемная ситуация.

Педагогическая проблемная ситуация базируется на активизирующих действиях, постановке учителем вопросов, подчеркивающих противоречия, новизну, важность. Присущими проблемной ситуации особенностями являются неопределённость хода решения, неизвестность ответа, наличие желания её решить, обусловленное возникшим противоречием между известным и неизвестным.

Проблемная ситуация, как отмечает А.М. Матюшкин, является особым видом умственного взаимодействия объекта и субъекта, требующим выявления новых знаний, формирования новых способов умственной деятельности для разрешения поставленной задачи [6].

В начальных классах часто практикуется выдвижение в качестве проблемы нахождения цели, способа действия, условия действий [8, с.400], реже – овладение новой темой.

Организации проблемного овладения темой должно предшествовать установление дидактической его целесообразности и имеющихся возможностей у участников образовательного процесса, содержания и сложности учебного материала. Учащиеся должны быть ознакомлены с основами самоорганизации мыслительного процесса, должны быть развиты умения и навыки систематизации результатов умственного труда (составление памяток, алгоритмов, таблиц). Уровень предлагаемых детям заданий должен соответствовать подготовленности обучающихся, их возрастным особенностям. Учёт специфики учебного предмета при создании проблемной ситуации позволяет глубже проникнуть в суть изучаемых явлений. Учащиеся начинают оперировать обобщёнными знаниями, стараются открыть новое свойство, способ, которые позволяют ему прийти к решению проблемы.

Сравнивая, сопоставляя противоречивые факты, явления педагог вводит учащихся в проблемную ситуацию. При этом не рекомендуется

торопиться исправлять ошибки детей. Дать время подумать ученику – одно из главных условий разрешения проблемной ситуации.

Также главной задачей педагога является логичное выстраивание процесса преподнесения материала, где каждое новое правило, закон, понятие вплетается в ментальный опыт обучающегося.

В реализации эффективного проблемного обучения в начальной школе важное значение приобретает подобранный для использования комплекс методов. Раскроем специфику методов, наиболее эффективных в обучении младших школьников.

Метод монологического изложения позволяет за счет постановки информационных проблемных вопросов по созданию проблемных ситуаций, включения в учебный процесс дополнительного материала с элементами новизны, эмоционального изложения и приобщения учащихся к учебному материалу с помощью наглядности и ТСО активизировать мыслительную деятельность учащихся. Данный метод применим в условиях ограниченности урочного времени, наличия теоретически сложного учебного материала, нехватки опыта решения проблемных вопросов у учащихся.

Реализация метода рассуждающего изложения в начальной школе эффективна при его применении двумя способами. В первом случае, учитель поэтапно продвигается к раскрытию проблемы: сначала обозначает проблемную ситуацию, затем анализирует фактический материал, формулирует выводы и, привлекая учащихся к научному поиску, представляет переход к новым знаниям. Во втором случае, посредством суждений и умозаключений, учитель, излагая тему, создает искусственную логику научного поиска, тем самым демонстрируя учащимся логику раскрытия ученым проблемы.

При реализации метода диалогического изложения в деятельности учащихся прослеживаются элементы репродуктивного, и частично-поискового методов обучения. К разрешению проблемы учитель и учащиеся приходят в совместном диалоге: в постановке проблемы, выдвижении предположения и её доказательстве.

При эвристическом методе открываются новые законы, правила самими учащимися под руководством учителя. При эвристическом методе основную роль играет ученический эксперимент в сочетании с системой информационных вопросов учителя.

Путем решения учащимися теоретических и практических исследовательских заданий проблемного характера учителем реализуется метод исследовательских заданий. От учеников требуется самостоятельное выполнение логических операций по выявлению новых знаний. Исследовательские задания должны представлять собой поисковые задачи, требующие прохождения

учащимися всех или большинства этапов исследования: чтение соответствующей литературы (если этого требует поставленная проблема) и ее анализ; наблюдение и изучение фактов и явлений по проблеме; выяснение непонятных явлений, подлежащих исследованию (постановка подпроблем); выдвижение гипотез; построение плана исследования; выяснение связей изучаемого явления с другими; формулирование решения, объяснения; проверка решения; формулирование выводов о возможном и необходимом применении добытых знаний [4, с.83].

Универсальным методом, дающим возможность выявить скрытые связи и отношения, преобразовать объект и получить новые знания является моделирование. Моделирование характеризуется: осознанием наличия проблемной ситуации и трудностей исследования реального объекта, постановкой учебной проблемы; выбором объекта, заменяющим реальный, построением модели; выдвижением гипотезы и построением плана исследования модели; анализом и обобщением знаний, полученных путем исследования модели, переносом их на реальный объект и формулированием решения; применением приобретенных знаний на практике, конкретизацией примерами [3, с.21].

Эффективным методом организации проблемного обучения является также метод проектов. Отметим неоспоримые плюсы метода проектов: он развивает познавательный интерес; учащиеся используют различные формы работ: дискуссии, изучение литературы, сбор эмпирической информации и т.п.; повышается мотивация, появляется удовлетворение от деятельности, от ее результата; преодолевается формализм знаний, они находят практическое применение; устанавливается связь с жизненным опытом детей; в групповых проектах учащиеся овладевают умением сотрудничать, слушать друг друга, оказывать взаимопомощь [9, с.194].

Таким образом, применение выделенного комплекса методов в учебно-воспитательном процессе начальной школы будет способствовать эффективизации проблемного обучения.

Для достижения целей эффективного проблемного обучения в начальной школе необходимо соответствие структуры организуемого занятия следующей последовательности: создание проблемных ситуаций и формулирование проблемы; выдвижение предположения и его доказательство, рефлексия [1, с.143].

Постановку проблемы учителю необходимо выстраивать на побуждающем диалоге, который включает активизирующие вопросы и стимулирующие предложения, способствующие осознанию учащимися проблемной ситуации и формулированию учебной проблемы.

В других случаях можно использовать такой путь постановки учебной проблемы, который

связан с организацией подводящего диалога при введении новой темы. Он представляет собой систему вопросов и заданий, составленных на основе принципов доступности и учёта возрастных, индивидуальных особенностей учащихся, которые поэтапно подводят ребенка к открытию нужной мысли. В его структуру входят репродуктивные задания (вспомни, выполни уже привычное), творческие (проанализируй, сравни), обобщение учителем и подведение итогов всего пройденного пути [2, с.174].

Постановка проблемы и поиск решения могут осуществляться «классическим» и «сокращенным» способами. «Классический» путь поиска решения складывается через выдвижение и проверку гипотез. «Сокращенный» представляет собой систему сильных ученику вопросов и заданий и обеспечивает прямое открытие нового знания.

Выводы исследования. Итак, для обеспечения эффективизации проблемного обучения в начальной школе, позволяющего повысить познавательную активность, развить творческое мышление, самостоятельность учащихся, обеспечить результативность, сознательность и прочность усвоения ими знаний и умений, необходимо создание следующих педагогических условий: а) учёт познавательных потребностей и способностей младших школьников; б) включение в учебный процесс системы проблемных ситуаций; в) использование в образовательном процессе проблемного диалога.

Список литературы:

1.Бабанский Ю.К. Методы обучения в современной общеобразовательной школе. / Ю.К., Бабанский – М: Просвещение, 2005. –349 с.[Babanskij Yu.K. Metody` obucheniya v sovremennoj obshheobrazovatel`noj shkole. / Yu.K., Babanskij – М: Prosveshhenie, 2005. –349 s.]

2.Богус М.Б. Развитие операционных структур мышления младших школьников / М.Б. Богус – Майкоп, 2000. – 299 с. [Bogus M.B. Razvitie operacionny`x struktur my`shleniya mladshix shkol`nikov / M.B. Bogus – Majkop, 2000. – 299 s.]

3.Вахрушева, Л.Н. Методы проблемного обучения детей дошкольного возраста/Л.Н.

Вахрушева - Начальная школа, 2010, №1. С.21. [Vaxrusheva, L.N. Metody` problemnogo obucheniya detej preddoshkol`nogo vozrasta/L.N. Vaxrusheva - Nachal`naya shkola, 2010, №1. S.21.]

4.Гузеев В.В. Консультации: методы и организационные формы обучения/Педагогические технологии/ В.В.Гузеев.- 2009, №2, – С. 83.[Guzeev V.V. Konsul`tacii: metody` i organizacionny`e formy` obucheniya/Pedagogicheskie tehnologii/ V.V.Guzeev.- 2009, №2, – S. 83.]

5.Занков Л.В. О начальном обучении/ Л.В.Занков – М.: АПН РСФСР, 2003. – 150 с.[I.Zankov L.V. O nachal`nom obuchenii/ L.V.Zankov – М.: APN RSFSR, 2003. – 150 s.]

6.Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А.М. Матюшкин. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 274 с. – Режим доступа: по подписке.

– URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=236493> (дата обращения: 03.05.2021).[Matyushkin A.M. Problemny`e situacii v my`shlenii i obuchenii / A.M. Matyushkin. – Moskva : Direkt-Media, 2014. – 274 s. – Rezhim dostupa: po podpiske. –URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=236493> (data obrashheniya: 03.05.2021)]

7.Мельникова Е.Л. Проблемный урок, или как открывать знания с учениками: пособие для учителя. – М.: АПКиПРО, 2002.-168с.[Mel`nikova E.L. Problemny`j urok, ili kak otkry`vat` znaniya s uchenikami:posobie dlya uchitelya. – М.: APkiPRO, 2002.-168s.]

8.Образовательная система «Школа 2100». Сборник программ. Дошкольное образование. Начальная школа / Под науч. ред. Фельдштейна Д. И. – М.: Баласс, 2010. – 400с. [Obrazovatel`naya sistema «Shkola 2100». Sbornik programm. Doshkol`noe obrazovanie. Nachal`naya shkola / Pod nauch. red. Fel`dshtejna D. I. – М.: Balass, 2010. – 400s.]

9.Скорородова Н. Мотивация к учению: как управлять ее развитием / Народное образование/ Н.Скорородова. 2006, №4, С.194. [Skoroxodova N. Motivaciya k ucheniyu: kak upravlyat` ee razvitiem / Narodnoe obrazovanie/ N.Skoroxodova. 2006, №4, S.194.]

Verkhovyykh I.A.
*PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
Methodologist
Private general education
institution secondary general education school
"OUR PENATES"
Moscow, Russia*

ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERCEPTION OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN THE CONTEXT OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

Ирина Александровна Верховых
*кандидат филологических наук, доцент,
методист,
Частное образовательное учреждение,
Средняя общеобразовательная школа
«НАШИ ПЕНАТЫ»
Москва, Россия*

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.98

Summary. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of perception and the specifics of the course of the perception process in a younger student. Effective methods for enriching his vocabulary are described. It is concluded that vocabulary work is the leading direction in the development of a child's speech activity and requires a high level of professionalism and certain pedagogical efforts from the teacher.

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей восприятия и специфики протекания процесса восприятия у младшего школьника. Описаны действенные методы по обогащению его словаря. Сделан вывод о том, что словарная работа является ведущим направлением в развитии речевой деятельности ребенка и требует от учителя высокого уровня профессионализма и определенных педагогических усилий.

Key words: perception, vocabulary work, active vocabulary.

Ключевые слова: восприятие, словарная работа, активный словарный запас.

Мышление учеников младшего школьного возраста специфично: в этот период только формируются элементы теоретического мышления и закладываются основы абстрактного. Несмотря на то, что абстрактные существительные в словаре младшего школьника практически не встречаются, на уроках в начальной школе должно отводиться достаточно времени развитию абстрактного мышления. Оно позволяет мыслить отвлеченно, оперировать общими понятиями, быстро совершать логические операции, выделять нужные признаки, воспринимать информацию критически и т. п. Согласимся с точкой зрения Козыревой А.В.: активный словарный запас – важный критерий «активизации речевого развития школьников» [1].

Проблемой восприятия занимались такие видные ученые, как М. Т. Баранов, Л. С. Выготский, А. Н. Гвоздев, А. Н. Леонтьева, М. Р. Львова, Р. С. Немова, А. В. Прудникова, С. Л. Рубинштейн и др.

Цель настоящей статьи – описать психологические особенности восприятия младших школьников и их влияние на выбор методов обучения. К последним интересным публикациям на исследуемую тему относятся работы Л.В. Корниенко, Л.Б. Абдуллиной, К.Х. Гизатуллиной и др.

Трудности в оперировании с абстрактными понятиями обусловлены психологическими особенностями восприятия младшего школьника. Обычно он выбирает слова нейтральные, не умеет подбирать синонимы, испытывает трудность с подбором слова. Тем не менее к четвертому классу ребенок способен осознавать смысловое значение абстрактных понятий, самостоятельно формировать их. Психические познавательные процессы переходят на новый уровень, большинство из них (восприятие, внимание, память, представление) протекает более произвольно, поэтому формируются абстрактно-логические формы мышления.

У младшего школьника увеличивается объем памяти, развивается воссоздающее воображение, перерабатывающее образы действительности, интенсивно развивается интеллект. В речи сокращается количество главных членов предложения и вырастает количество второстепенных. Ребенок пока с трудом управляет вниманием, поэтому утрачивание интереса к предмету исследования ведет к снижению концентрации внимания на нем. Вместе с тем не следует забывать о специфике восприятия информации у каждого индивида и делении людей на аудиалов, визуалов, кинестетов, дискретов, что

несомненно должно учитываться в работе учителя-профессионала.

Учащиеся 1-2 классов далеко не всегда могут назвать предметы и явления, их окружающие. Особенность восприятия младшего школьника такова, что он легче запоминает слово в связи с наглядным образом, только воспринятый зафиксированный образ остается в долговременной памяти. Поскольку восприятие школьника сначала носит произвольный характер. Учитель, решая дидактические задачи, должен управлять этим психическим процессом, обращать внимание на детали: размер, цвет, форму, материал и пр. «Восприятие младшего школьника определяется прежде всего особенностями самого предмета. Поэтому дети замечают в предметах не главное, важное, существенное, а то, что ярко выделяется на фоне других предметов», – констатируют психологи Матюхина М. В., Михальчик Т. С., Прокина Н. Ф. [2]. Наблюдать нужно не только над окружающими предметами, но и над словом: его звуковой оболочкой, графическим обликом, слоговым характером, последовательностью расположения букв, положением в словосочетании, предложении, тексте. Такая работа, проводимая учителем постоянно, позволит решить одновременно несколько задач: не только расширит словарный запас ребенка, но сформирует его орфографическую зоркость, разовьет каллиграфические навыки, воспитает любовь к красивому русскому языку.

Восприятие младшего школьника отличается от восприятия взрослого человека, зачастую он не способен адекватно осмыслить и проанализировать полученную информацию. Выдающийся советский психолог, педагог, философ А. Н. Леонтьев писал по этому поводу: «Наличие того или иного содержания в поле восприятия (или, если угодно, в поле внимания) ребенка не означает еще, что это содержание является предметом его сознания, что оно сознается им. Восприятие не всегда связано с собственно сознанием. Воспринимаемое и сознаваемое содержание прямо не совпадают». [3, С. 246].

В отличие от взрослых, дети не способны критически относиться к поступающей информации, более того, любая информация может нарушить эмоциональный фон младшего школьника, поскольку их восприятие тесно связано с эмоциональной составляющей. «В младшем школьном возрасте восприятие превращается в целенаправленный управляемый процесс, – резюмирует А. Ю. Шаханская, – становится расчлененным, отличается слабой дифференцированностью, характеризуется произвольностью, хотя элементы произвольного восприятия встречаются уже в дошкольном возрасте» [4].

Роль слова в восприятии младшего школьника со временем меняется. «Значение слова не константно. Оно изменяется в ходе развития ребенка. Оно изменяется и при различных способах

функционирования мысли», – пояснял известный советский психолог Л. С. Выготский в своей работе «Мысль и слово» [5]. Ученик 2-4 класса меньше нуждается в наглядности материала, он «уже сам может словесно формулировать задачу восприятия. У первоклассников слово-название как бы завершает процесс восприятия (назвав слово, дети перестают его дальше анализировать). У учащихся 2 и 3 классов слово выполняет другую функцию. Назвав предмет, дети продолжают в словесной форме описывать его» [6]. Восприятие становится избирательным, школьник лучше запоминает то, что ему интересно, в чем он чувствует потребность. Тогда действенным методом обогащения словарного запаса становится художественная литература, тексты учебников, уроки внеклассного чтения. Важную роль играют различные учебные книги, составленные так, чтобы любой изучаемый детьми новый материал урока содержал обязательно слова, изученные ранее.

Таким образом, словарная работа является ведущим направлением в развитии речевой деятельности ребенка и требует от учителя высокого уровня профессионализма и определенных педагогических усилий. Качество восприятия текста будет значительно выше, если ребенок понимает лексическое значение всех его слов. В ходе обучения младших школьников на практике используются самые разные приемы работы над значением слов. В итоге у детей постепенно растет интерес к осуществлению словарной деятельности, они интересуются новыми словами и их значением, начинают использовать их в своей повседневной речи и во время уроков русского языка и литературного чтения. У учителя при этом появляется возможность использовать для обучения детей все новые слова, подходящие для той или иной конкретной ситуации.

Список литературы

1. Козырева А.В. Психолого-педагогические условия развития абстрактного мышления в начальной школе [Электронный ресурс] / Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». – №5(09). – Июль 2016. URL: <http://strizh-vsru.ru/files/publics/1470864614.pdf> (Дата обращения 08.06.2021 г.)
2. Матюхина М.В., Михальчик Т.С., Прокина Н.Ф. Возрастная и педагогическая психология: Учеб. пособие для студентов пед. ин - тов. по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения» / М. В. Матюхина, Т. С. Михальчик, Н.Ф. Прокина и др.; Под ред. М.В. Гамезо и др. – М. : Просвещение, 1981. – 256 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1977. – 304 с.
4. Шаханская А.Ю. Психологические особенности восприятия мультипликационных фильмов детьми школьного возраста // Теория и практика общественного развития. – №8. – 2013.

5. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления: Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 400 с.
6. Матюхина М.В., Михальчик Т.С., Прокина Н.Ф. Возрастная и педагогическая психология: Учеб.

пособие для студентов пед. ин - тов. по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения» / М.В. Матюхина, Т.С. Михальчик, Н.Ф. Прокина и др.; Под ред. М.В. Гамезо и др. – М. : Просвещение, 1981. – 256 с.

УДК: 378.147.003:604
ГРНТИ: 14.25.01

Hanchar Nataliya
English teacher GEI «Grammar School № 9
named after F.P. Kirichenko»
Grodno, Belarus
Khamenia Alena
Methodologist GEI «Grodno Regional Institute of
Education Development State Educational Institution»
Grodno, Belarus

DEVELOPING EDUCATIONAL QR-QUESTS (USING "TRAVELLING" (ENGLISH) AND "DIE REISE" (GERMAN) AS EXAMPLES)

Ганчар Наталия Петровна
учитель ГУО
«Гимназия № 9 им. Ф.П. Кириченко г. Гродно»
Гродно, Беларусь
Хаменя Елена Алексеевна
методист ГУО
«Гродненский областной институт развития образования»
Гродно, Беларусь

РАЗРАБОТКА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ QR-КВЕСТОВ (НА ПРИМЕРЕ «TRAVELLING» (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК) И «DIE REISE» (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК))

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.99](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.99)

Summary. The article extends the ideas about the didactic possibilities of using QR codes and Web-2.0 services in teaching English and German in implementing individual approach, developing creative abilities and intensifying of pupils' independent work in the classroom. The article shows how to motivate participants to develop learning products using QR codes and "Web-2.0" services. The experience of the authors contributes to the self-educational activities of the participants in the learning process in order to enhance their ICT-competence.

Аннотация. В статье расширяются представления о дидактических возможностях использования QR-кодов и сервисов «Web-2.0» при обучении английскому и немецкому языкам в реализации индивидуального подхода, развитии творческих способностей и интенсификации самостоятельной работы учащихся на занятиях. Показаны способы мотивации участников к разработке учебных продуктов с использованием QR-кодов и сервисов «Web-2.0». Опыт авторов способствует образовательной деятельности участников учебного процесса с целью повышения своей ИКТ-компетентности.

Keywords. QR-code, quest, methodology, education, English, German, competence.

Ключевые слова. QR-код, квест, методика, образование, английский язык, немецкий язык, компетентность.

Постановка проблемы. Развитие у участников (обучающихся и обучаемых) информационной компетентности по использованию QR-кодов и сервисов «Web-2.0» в образовательном процессе при обучении английскому и немецкому языкам является краеугольным камнем в обучении. Оборудованием послужили компьютеры и смартфоны, планшеты с доступом к сети Интернет, интерактивная доска, презентации, разработанные в программе Power Point,

раздаточный материал в виде маршрутных листов, рабочие листы с заданиями для каждой станции, «Кубик Блума». Материалы данной методической разработки можно использовать для активизации учебно-познавательной деятельности учащихся, как на учебных занятиях, так и для организации досуга.

Содержание основного материала. Задачей первого, ориентировочно-мотивационного, этапа учебно-методических разработок QR-квестов «Travelling» (на английском языке) и «Die Reise»

(на немецком языке) является обеспечение мотивации участников учебного процесса. Неотъемлемыми элементами содержательной части данного этапа служит приветствие, вступительное слово педагога, мотивация участников на совместную деятельность, организация деления участников на группы.

Ознакомление с участниками и распределение их по группам происходит с помощью QR-кодов, которые являются ссылками на интерактивные пазлы. Сами коды разрезаются и выкладываются на поверхность.

Таблица 1

Разделение участников на команды («QR-квест «Travelling»)

History (London)			History (USA)	
Geography (London)			Geography (USA)	
Chef (London)			Chef (USA)	
Guide (London)			Guide (USA)	

Участники «QR-квест «Travelling» сканируют QR-коды, складывают пазл, считывают информацию по распределению в соответствующие группы.

На этапе актуализации субъектного опыта участников добиваемся обеспечения активности участников в предстоящей деятельности. Здесь важно определить уровень подготовленности

участников к восприятию опыта мастера, актуальности его исследований. Педагог (учитель) ведет поисковую беседу, направленную на диагностику потребностей и уровня готовности субъектов к восприятию нового опыта. Участники активно участвуют в беседе, отвечают на вопросы педагога и готовятся к восприятию опыта мастера.

A B
C D

Рис. 1. Метод «4 угла» (QR-квест «Die Reise»)

В ходе реализации QR-квеста «Die Reise» задействован приём «4 угла»: в качестве ответа на один из вариантов (A/B/C/D) вопроса педагога участники занимали место в соответствующем углу аудитории, отмеченного буквами A/B/C/D.

Этап целеполагания связан с постановкой целей участников и выявления их ожиданий. Содержание этапа связано с определением темы и цели занятия, вовлечением учащихся в целеполагание. В ходе практической деятельности

педагог предлагает участникам определить, что они ожидают от занятия, а также побуждает к постановке цели и задач квеста. Сами участники активно участвуют в определении лично-значимой цели занятия.

Распределение участников на группу в ходе «Die Reise» организовывалось с помощью QR-кодов, являвшихся ссылками на картинки знакомого нам пазла.

Таблица 2

Разделение участников на группы («QR-квест «Die Reise»)	
Deutschland	Österreich
	
	
	
	
	
	

Фиксация результатов происходила на стикерах, вывешиваемых на доске.

Рис. 2. Образец стикера (QR-квест «Die Reise»)

На информационно-деятельностном этапе занятия происходит знакомство с возможными вариантами использования QR-кодов в учебном процессе, а также с эффективными сервисами «Web-2.0» в обучении иностранному языку; создание атмосферы коллективного взаимодействия; обеспечение практической

деятельности участников по освоению совместного использования технологии QR-кода и сервисов «Web-2.0» в обучении. Содержание этапа связано с применением на практике полученных знаний: выполнение упражнений в сервисах «Web-2.0» с использованием технологии QR-кода.

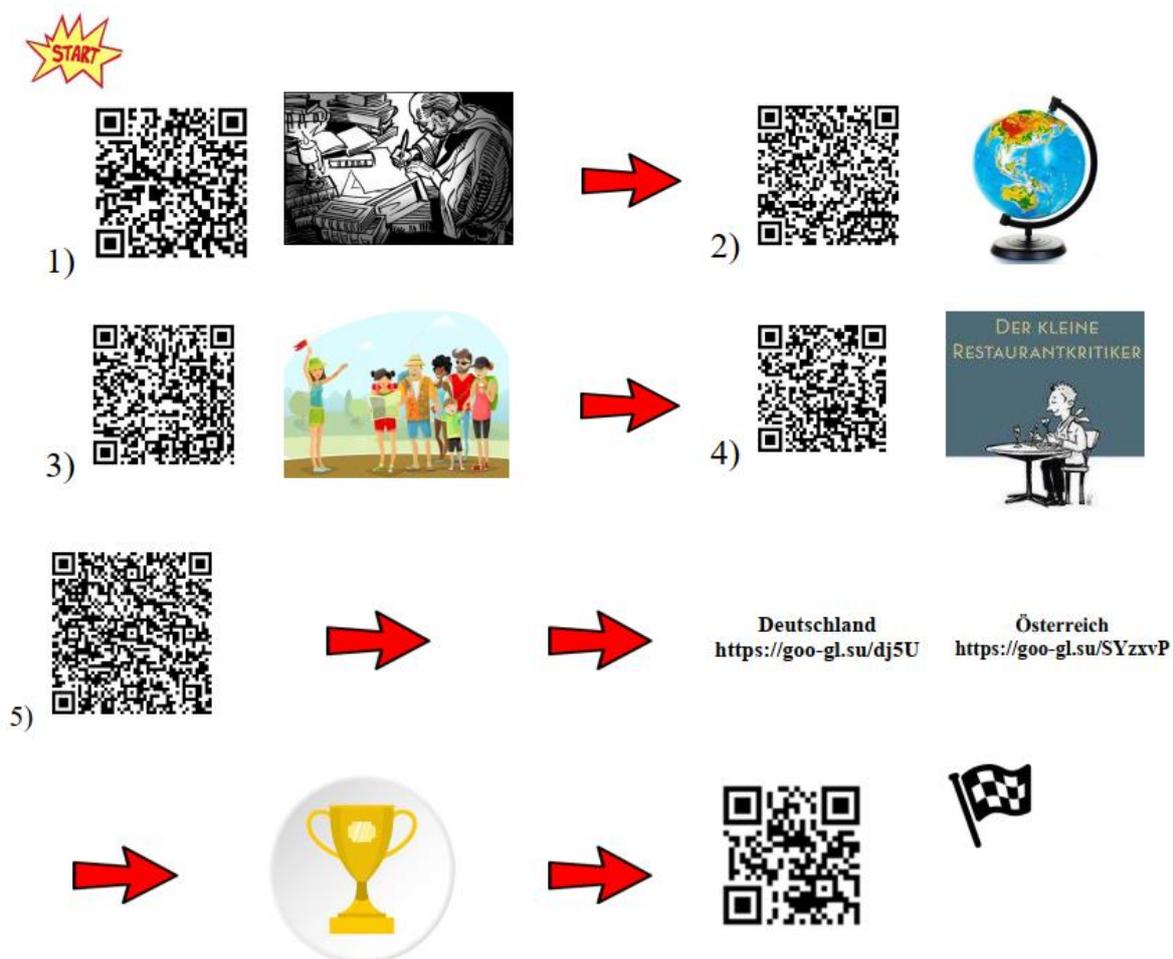

Рис. 3. Маршрутный лист (QR-квест «Die Reise»)

Педагог предлагает маршрутные листы, вывешивает на доске под названиями групп.

Рис. 4. Маршрутный лист (QR-квест «Travelling»)

В ходе прохождения QR-квестов на каждой станции педагог предлагает участникам определить, что участники ожидают от каждого использованного сервиса «Web-2.0»; показывает приемы, методы, способы деятельности с использованием цифровых технологий; выполняет роль консультанта, организует самостоятельную работу слушателей и управляет ею; организует совместное обсуждение возможностей применения разработанных электронных средств обучения;

организует маркировку прохождения этапов на доске, дает оценку происходящему.

Участники на этом этапе, получив маршрутные листы и обсудив маршрут прохождения QR-квеста, проходят этапы QR-квеста, осваивают сервисы Web-2,0 в практической деятельности, выполняют самостоятельную работу по прохождению заданий и получению ключевой буквы для следующего этапа.

Образец заданий (QR-квест «Travelling»)

<p>Этап квеста</p> <p>History (London)</p> <p>Write some interesting facts.</p> 		<p>Этап квеста</p> <p>History (The USA)</p> <p>Write some interesting facts.</p> 	
<p>Tasks.</p> <p>1. 2.</p>		<p>Tasks.</p> <p>1. 2.</p>	
<p>Geography (London)</p> <p>Watch the video and answer the questions.</p> <p>1. 2.</p>		<p>Geography (The USA)</p> <p>Watch the video and answer the questions.</p> <p>1. 2.</p>	
<p>Tasks.</p> <p>1.</p>		<p>Tasks.</p> <p>1.</p>	
<p>Guide (London)</p> <p>Match the pictures with QR-code</p>			
 <p>1.</p>	<p>Tasks.</p> 	 <p>A.</p>	
 <p>2.</p>		 <p>B.</p>	
 <p>3.</p>		 <p>C.</p>	

<p>4.</p> 		<p>D.</p>
<p>5.</p> 		<p>E.</p>

Guide (The USA)
Match the pictures with QR-code

<p>1.</p> 	<p>Tasks.</p> 	<p>A.</p>
<p>2.</p> 		<p>B.</p>
<p>3.</p> 		<p>C.</p>
<p>4.</p> 		<p>D.</p>
<p>5.</p> 		<p>E.</p>

Chef (London)
Watch the video and write the recipe.

Tasks.

Chef (The USA)
Watch the video and write the recipe.

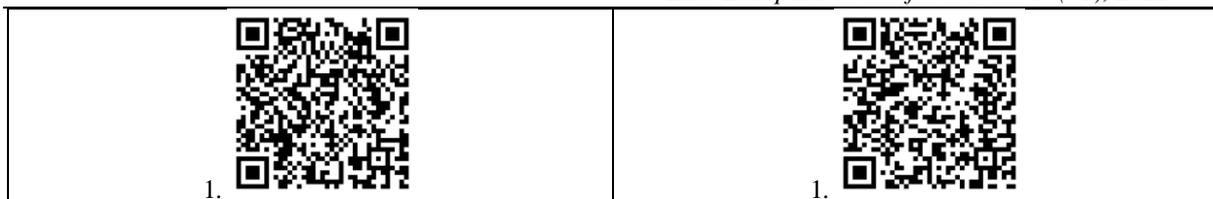

Tasks.

Разгадывают ребус, переходят на сайт мастера, где даны ссылки на варианты использования различных сервисов «Web-2.0» в

обучении. Привнесён элемент юмора: лишь одна картинка на рисунках 3 и 4 даст ключ к разгадыванию ребуса.

Рис. 5. Образец ребуса (QR-квест «Travelling»)

Анализируют предложенные приемы, методы, способы деятельности с использованием сервисов «Web-2.0».

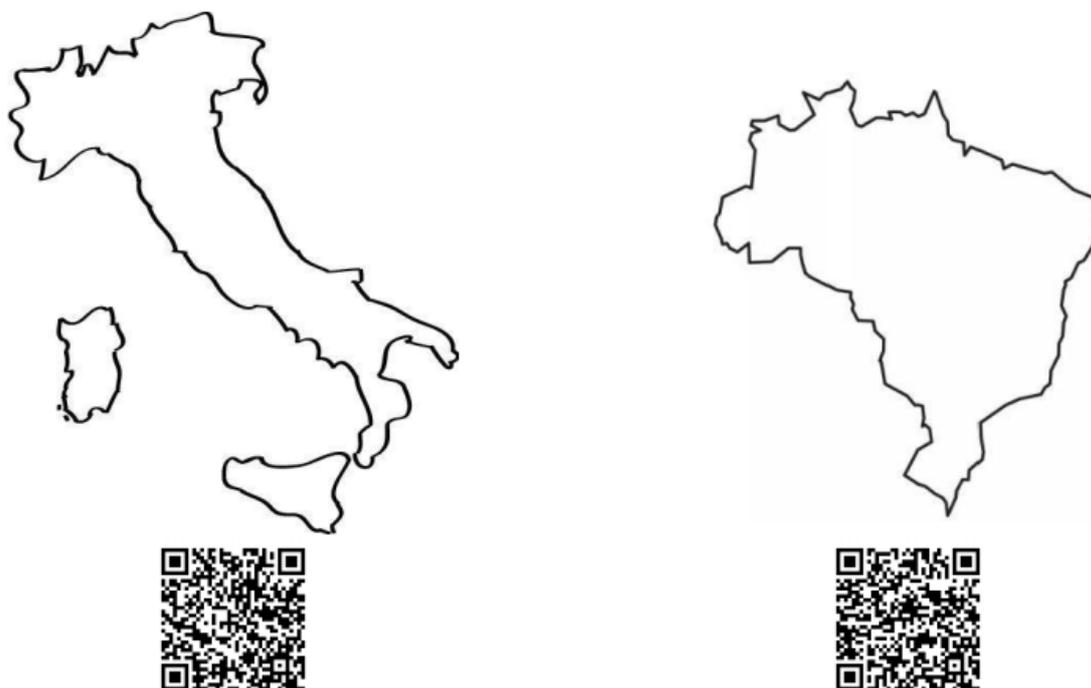

Рис. 6. Образец заданий (QR-квест «Travelling»)

Особенно повеселила участников QR-код под контуром Италии (большинство подумали, что у них случился сбой в сканирующем устройстве).

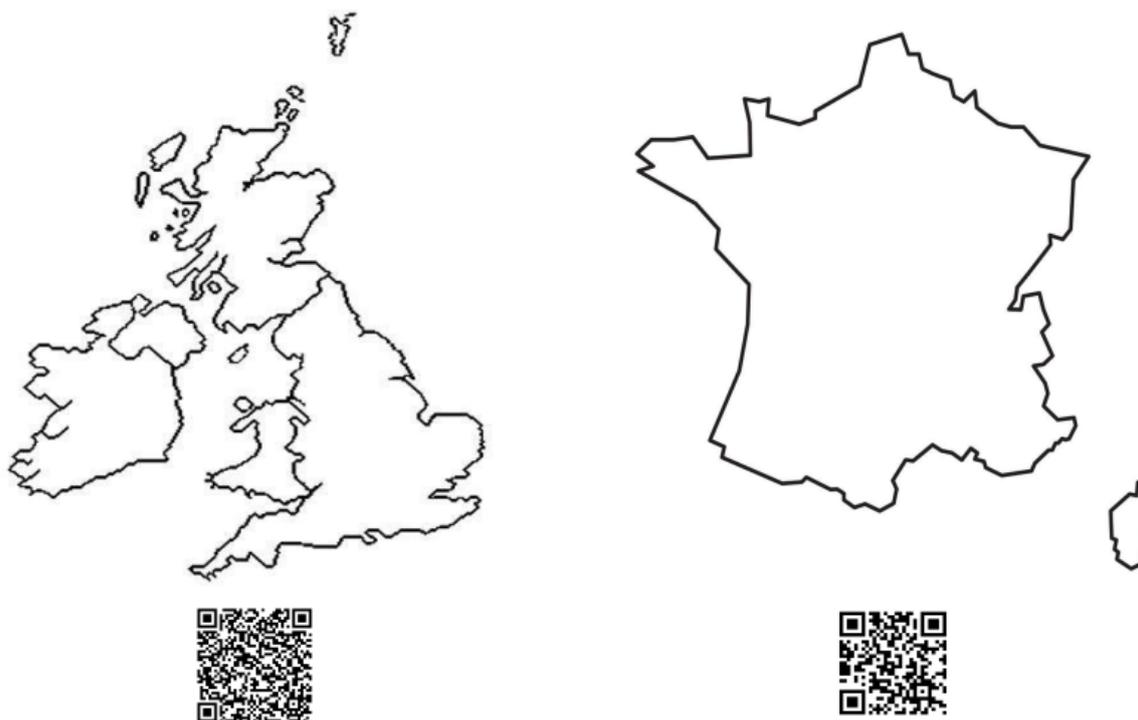

Рис. 7. Образец заданий (QR-квест «Travelling»)

Обсуждают задействованные сервисы «Web-2.0», авторские модели, разработанные для QR-

квеста, возможности их применения в своей педагогической деятельности.

Рис. 8. Образец заданий для QR-квеста «Die Reise» (Station 1)

В ходе прохождения QR-квеста «Die Reise» педагог организовывал маркировку прохождения этапов на доске и презентацию результатов совместной деятельности с помощью сервиса

Jamboard, также давал оценку происходящему и показывал приёмы, методы, способы деятельности с использованием цифровых технологий.

**Station 2
Erdkunde**

1)

2) Schreiben Sie 3 unbekannte Tatsachen.

**Station 2
Erdkunde**

1)

2) Schreiben Sie, welche Länder nach 1918 aus dem Imperium der Habsburger entstanden sind.

3) Warum leben die Südtiroler in Italien?

Рис. 9. Образец заданий для QR-квеста «Die Reise» (Station 2)

Участники QR-квеста «Die Reise» совместно с помощью сервиса Jamboard. самостоятельно презентовали результаты деятельности с помощью сервиса

Reiseführer

Schreiben Sie ein Paar interessante Tatsachen.

1) 2)

Schreiben Sie ein Paar interessante Tatsachen.

Reiseführer

Schreiben Sie ein Paar interessante Tatsachen.

1) 2)

Schreiben Sie ein Paar interessante Tatsachen.

Рис. 10. Образец заданий для QR-квеста «Die Reise» (Station 3)

Анализ предложенных приёмов и способов деятельности при прохождении QR-квеста «Die Reise» также происходил на этом этапе.

Essen		Essen	
1) 1. 2. 3. 4. 5. 6. 	2) Ordnet! A. B. C. D. E. F. 	1) 1. 2. 3. 4. 5. 6. 	2) Ordnet! A. B. C. D. E. F.

Рис. 11. Образец заданий для QR-квеста «Die Reise» (Station 4)

На этапе рефлексии даётся оценка эффективности взаимодействия педагога и участников QR-квестов, а также определяется значимость полученных знаний и умений для использования в дальнейшей педагогической деятельности.

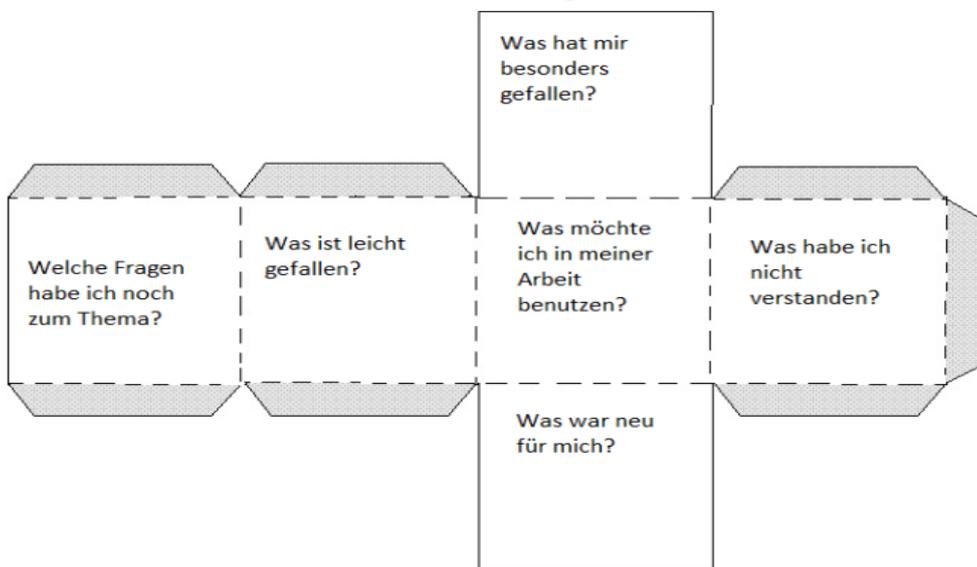

Рис. 12. «Кубик Блума» (QR-квест «Die Reise»)

В ходе дискуссии по результатам совместной деятельности педагога и слушателей, организуемой с помощью методики «Кубик Блума», делается вывод об эффективности взаимодействия участников мастер-класса, актуальности полученных знаний, результативности достижения цели.

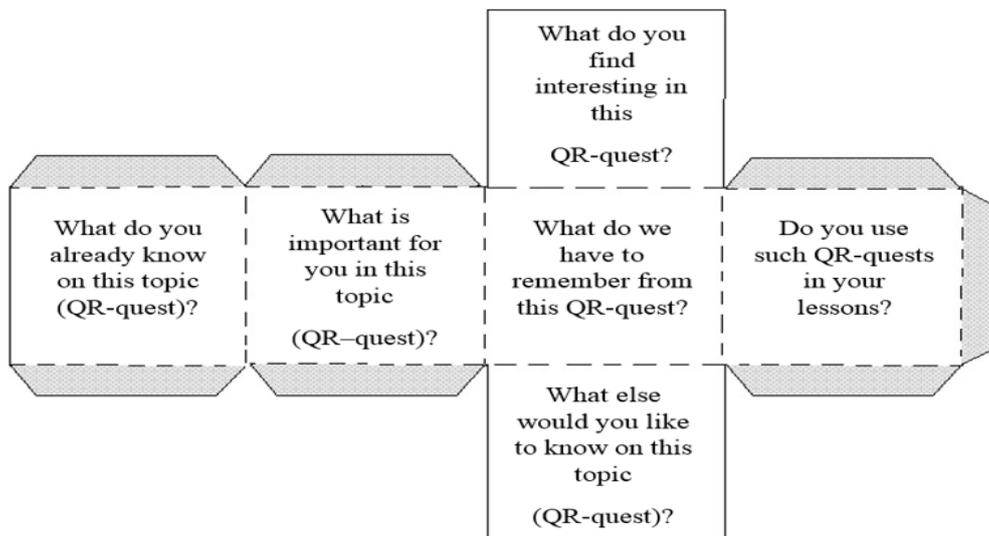

Рис. 13. «Кубок Блума» (QR-квест «Travelling»)

Участники оценивают полученный опыт и возможность применения в дальнейшей практике.

Выводы и направления дальнейших исследований. Организуемые при помощи QR-

технологий квесты действенным образом содействуют качественному усвоению содержания учебного занятия, способствуя развитию коммуникативных навыков на иностранном языке. <https://www.youtube.com/watch?v=WuL0GxWqBAc>. – Access date. – 11.07.2021.

Список использованных источников:

1. Hope of deliverance - Paul Mccartney Karaoke / Sogeking Utopia // YouTube / [Electronic resource]. – Access mode : https://www.youtube.com/watch?v=cJ8sLOH_iVo. – Access date. – 05.08.2021.

2. The Beatles - Obladi Oblada Color Rare Version Laser Disk U-Best / Mas Goy // YouTube / [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=JOc7HcIXoTw>. – Access date. – 14.07.2021.

3. Die Geschichte der 'Deutschen' / malgli // YouTube / [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=AHViGvjBTfs>. – Access date. – 11.07.2021.

4. Sisi von Österreich – so war sie wirklich / Terra X // YouTube / [Electronic resource]. – Access mode :

5. Unterrichtsmaterial: Geschichte in Karten - Der Zerfall Österreich-Ungarns nach 1918 / dokumentARfilm - Schulfilm - Lehrfilm // YouTube / [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=2VKoRsv6A40>. – Access date. – 11.07.2021.

6. Berlin in 5 Minuten | Die besten Reisetipps und Insider Tipps / theTravellers // YouTube / [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=GzwUv1Zdm-0>. – Access date. – 11.07.2021.

7. Typisch Österreich - gibt es das überhaupt? Typische Wörter, typisches Essen? Finden wir es heraus! / Kinderweltreise // YouTube / [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=Qp9Q3PNBtj8>. – Access date. – 11.07.2021.

Kononovych D.O.

graduate student (Ph.D. in Social Work)

Luhansk Taras Shevchenko National University

(Starobilsk city)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0307-6644>**ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF THE COMPREHENSIVE PROGRAM OF PREVENTION OF DESTRUCTIVE INFLUENCE OF THE INTERNET ENVIRONMENT ON THE STUDENT YOUTH****Кононович Дар'я Олександрівна**

аспірант кафедри соціальної роботи,

Луганський національний університет

імені Тараса Шевченка»

(м. Старобільськ)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0307-6644>**АНАЛІЗ ЕФЕКТИВНОСТІ КОМПЛЕКСНОЇ ПРОГРАМИ ПРОФІЛАКТИКИ
ДЕСТРУКТИВНОГО ВПЛИВУ ІНТЕРНЕТ-СЕРЕДОВИЩА НА УЧНІВСЬКУ МОЛОДЬ**DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.100](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.100)

Summary. The paper presents an analysis of the results of an experiment on the implementation of a comprehensive program for the prevention of the destructive influence of the Internet environment on student youth in the activities of social service centers. In accordance with the purpose and objectives of scientific work, the sample consisted of 533 people aged 16 to 25 years. The proposed program is based on the assumption that critical thinking is an effective means of counteracting the destructive information impact.

According to the results of the analyzed data, positive changes that occurred in young people in accordance with the axiological, cognitive and praxiological components of the formation of critical thinking. As a result of the pedagogical experiment, the majority of respondents in the experimental group achieved high and medium development of the indicators of the criteria. The effectiveness of the implementation of the developed program in the preventive activities of specialists in social work of social service centers has been proven.

Анотація. У роботі подано аналіз результатів експерименту з упровадження комплексної програми профілактики деструктивного впливу Інтернет-середовища на учнівську молодь у діяльність центрів соціальних служб. Відповідно до мети й завдань наукової роботи вибіркова сукупність складала 533 особи у віці від 16 до 25 років. В основу запропонованої програми покладене припущення про те, що критичне мислення є ефективним засобом протидії деструктивному інформаційному впливу.

За результатами проаналізованих даних виявлені позитивні зміни, які відбулися у молодих людей відповідно до аксіологічного, когнітивного та праксіологічного компонентів сформованості критичного мислення. Внаслідок педагогічного експерименту більшість респондентів експериментальної групи досягли високого та середнього розвитку показників критеріїв. Доведено ефективність упровадження розробленої програми у профілактичну діяльність фахівців із соціальної роботи центрів соціальних служб.

Key words: *comprehensive program, destructive influence, Internet environment, critical thinking, student youth.*

Ключові слова: *комплексна програма, деструктивний вплив, Інтернет-середовище, критичне мислення, учнівська молодь.*

Постановка проблеми. Реалії сьогодення такі, що мережа Інтернет стала ледь не першочерговою сферою життєдіяльності людей, особливо дітей та молоді. Проте, саме ця сфера все частіше перетворюється в канал негативного впливу на неповнолітніх, виховує їх в душі всездозволеності і розбещеності, деформує їх моральну свідомість, сприяє віктимізації, маргіналізації та криміналізації.

Молодь же, в силу своїх психологічних та вікових особливостей, є сензитивною до деструктивного віртуального впливу.

Прояви деструктивної поведінки можуть стати джерелом підвищеної небезпеки як для самої людини, так і для її близьких, оточуючих і суспільства в цілому.

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Аналіз наукової літератури засвідчив, що за останній час проблема впливу Інтернет-середовища на людину набуває все більшої актуальності, а особливо проблема його деструктивного впливу. Проте, спроби знайти чітке визначення поняття „деструктивний вплив” у науковій літературі не призвели до успіху.

Архипова Є. [1] у своїй праці здійснила аналіз деструктивного інформаційного впливу на людину, роль медіаосвіти для захисту від нього. Проте, саме визначення поняття „деструктивний вплив” у статті відсутнє.

Ця сама проблема зустрічається і у працях І. Кахно [3] та М. І. Томчук [8], які розглянули особливості деструктивного впливу інформаційних

засобів на стан психічного здоров'я сучасної молоді та емоційно-почуттєву сферу особистості дитини.

У статті В. Остроухова деструктивний вплив ототожнений з інформаційно-психологічним впливом, під яким автор розуміє „вплив на свідомість особи і населення з метою внесення змін у їх поведінку та (або) світогляд” [7, с.4].

У дослідженнях Л. Компанцевої [4] та О. Гіди [2] поряд з поняттям деструктивний вплив часто можна зустріти також поняття „маніпуляція” та „маніпулятор” як нерозривні компоненти здійснення прихованого негативного впливу на свідомість людини.

У контексті нашого наукового пошуку такий підхід вважається доцільним, оскільки на нашу думку деструктивний вплив – це прихований психологічний вплив, який веде до руйнівної та/або саморуйнівної поведінки людини. У свою чергу, здійснення цього впливу відбувається саме за допомогою маніпуляцій.

Незважаючи на досить великий обсяг літератури, повноту і системність досліджень впливу засобів масової інформації на особистість, цю тему ніяк не можна вважати вичерпаною у практичному аспекті.

У попередніх наших роботах [6,7] вже досліджено сучасний стан профілактики деструктивного впливу Інтернет-середовища та обґрунтована технологія протидії маніпуляціям засобами критичного мислення.

Тому **мета** статті – проаналізувати ефективність комплексної програми профілактики

деструктивного впливу Інтернет-середовища на учнівську молодь у діяльності центрів соціальних служб.

Виклад основного матеріалу.

Експериментальне впровадження Комплексної програми профілактики деструктивного впливу Інтернет-середовища на учнівську молодь (далі – Програма) відбувалося протягом 2018-2020 рр. у процесі профілактичної діяльності фахівців центрів соціальних служб Луганської та Донецької областей в освітніх закладах.

Відповідно до мети й завдань наукової роботи обрано вибірку сукупність у кількості 533 осіб у віці від 16 до 25 років (середній вік 18,25 років) із 24 закладів освіти Луганської та Донецької областей. Серед них: 1) учні закладів загальної середньої освіти (9-11 класи) – 137 осіб; 2) учні закладів професійної (професійно-технічної) освіти – 275 осіб; 3) здобувачі закладів вищої освіти – 121 особа.

Вибірка розподілена за двома складниками: контрольна група (КГ) – 258 осіб та експериментальна група (ЕГ) – 275 осіб. Згідно з критерієм Пірсона χ^2 зазначений розподіл на контрольну й експериментальну групи є порівняним з рівномірним, відтак розбіжності між цими розподілами не є статистично значущими.

Перейдемо до якісного аналізу результатів формульованого експерименту.

Підведення результатів впровадження Програми можливо за допомогою опитувальника, аналіз якого засвідчив наступне:

Таблиця 1

Частота перебування в Інтернеті

	Щохвилини, %	Щогодини, %	один раз на добу, %	раз на тиждень, %	раз на місяць, %
До відвідування програми	19.1	71	8.6	1.3	0
Під час відвідування програми	9	66	13	8	4
Після закінчення відвідування програми (гадаєте, що так буде)	1.6	51.2	35	10.6	1.6

Результати, наведені у таблиці свідчать про позитивну динаміку у напрямку зменшення часу

перебування в Інтернеті. Для більшої наочності зобразимо їх на рисунку 1:

Рис. 1. Частота перебування у мережі Інтернет до та після експерименту

Середня оцінка загальної ефективності Програми за шкалою від 0 до 10 становить **7.4 бали**.

Середня оцінка практичної користі Програми за шкалою від 0 до 10 становить **8 балів**.

Рівні сформованості навичок протидії деструктивному впливу зображений у таблиці 2:

Таблиця 2

Рівні сформованості вмінь та навичок протидії деструктивному впливу					
№	Вміння та навички	Рівень засвоєння, %			
		Засвоїв на теоретичному рівні	Успішно використав	Використав, але без успіху	Планую використати
1	Оцінка достовірності інформації	45.4	32	0	22.6
2	З'ясування джерела інформації	38	39	1.6	21.4
3	Критичність читання: розуміння тексту, критична оцінка змісту	39.3	34.4	1.6	24.7
4	Розкриття застосованих інформаційно-психологічних технологій впливу	39	37	2,2	21.8
5	Знаходження і розуміння аргументів в тексті і висловлюваннях інших людей та їх оцінювання	45	36.7	2	16.3
6	Використання контраргументації і побудова спростування	37.7	32	5.6	24.7

28 % опитуваних за останній рік зустрічали випадки деструктивного впливу в Інтернеті.

Ці випадки закінчувалися (або були спрямовані): проявами агресії, вживанням алкоголю, психічними розладами, надмірної схильністю до комп'ютерних ігор, суїцидом.

Серед отриманих навичок, які б молоді люди використали для протидії деструктивному впливу обрані:

- оцінка достовірності інформації;

- обмеження часу користування комп'ютером та перебування в соціальних Інтернет-мережах;

- фільтрування контенту у своїй соціальній мережі;

- контраргументація;

- блокування потенційно небезпечних користувачів.

8. У 35 % опитуваних змінилося ставлення до Інтернету, 23 % розмислюють про ставлення до нього та можливість жити без Інтернету.

9. 84 % молодих людей виявили бажання в подальшому відвідувати профілактичні заходи.

10. Серед них: 80 % у формі групової роботи, та, відповідно, 20 % в індивідуальній формі.

11. Серед тем Програми, які сподобалися найбільше, зазначені: «Маніпуляція – розпізнаємо та протидіємо!» та «Види деструктивного впливу».

Серед окремих компонентів виділені вправи, формування навичок оцінки текстів та встановлення джерела інформації. Цікавим для молодих людей було також працювати над виявленням своїх сильних та слабких сторін при взаємодії з маніпуляторами.

12. Загальне враження від участі у Програмі задовільне (97 % із наявних відгуків – позитивні)

Учасники зазначили, що участь у Програмі була корисною та цікавою, дала можливість дізнатися багато нової інформації, оволодіти навичками безпечного користування Інтернетом та протидії маніпулятивному впливу.

Оскільки в основу Програми було покладене припущення про те, що запобіганню деструктивного впливу ефективно слугуватиме розвинуте критичне мислення, то доцільно розглянути результати сформованості визначених нами компонентів критичного мислення до та після експериментальної роботи.

У таблиці 3 використано позначення: КЕ – констатувальний експеримент та ФЕ – формувальний експеримент.

Таблиця 3

Оцінка рівня сформованості компонентів критичного мислення

№	Критерій	Групи	Рівні розвитку, %					
			Низький		Середній		Високий	
			КЕ	ФЕ	КЕ	ФЕ	КЕ	ФЕ
1	Аксіологічний	КГ	37.2	34.5	53.9	56.2	8.9	9.3
		ЕГ	36.0	13.8	54.9	65.1	9.1	21.1
2	Когнітивний	КГ	35.3	33.7	57.3	58.2	7.4	8.1
		ЕГ	33.5	14.2	58.9	66.9	7.6	18.9
3	Праксіологічний	КГ	48.5	46.9	49.2	50.4	2.3	2.7
		ЕГ	46.5	29.5	50.9	52.7	2.6	17.8
Загальний рівень		КГ	40.3	38.4	53.5	54.9	6.2	6.7
		ЕГ	38.7	19.2	54.9	61.5	6.4	19.3

Для наочності сприйняття статистичної інформації представимо результати графічно. Для цього порівнюємо результати загального рівня

сформованості компонентів критичного мислення контрольної та експериментальної груп до та після експериментальної роботи.

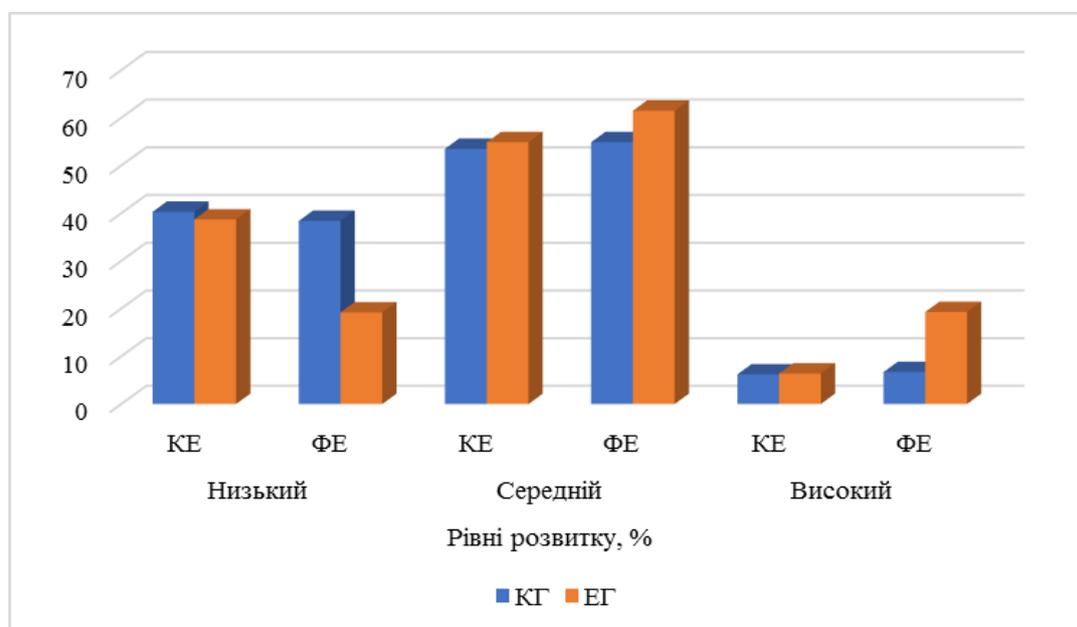

Рис. 2. Оцінка рівня сформованості компонентів критичного мислення до та після експериментальної роботи

Розглядаючи перший – аксіологічний критерій, зазначимо, що в експериментальній групі більш ніж у 2 рази зросла кількість молодих людей із високим рівнем показників (було 9.1 %, стало 21.1 %) і майже у 3 рази зменшилася їхня кількість

із низьким рівнем (було 36 %, стало 13.8 %). У контрольній групі відбулися незначні зміни.

В учасників Програми підвищилися мотивація до навчання навичкам протидії деструктивному

впливу та пізнавальний інтерес до придбання знань, умінь, навичок.

Другий критерій, який ми розглянемо – когнітивний. Як і в попередньому випадку, в експериментальній групі більш ніж у 2 рази зросла кількість молодих людей із високим рівнем показників (було 7.6 %, стало 18.9 %) і у 2.5 рази зменшилася їхня кількість із низьким рівнем (було 33.5 %, стало 14.2 %), на 8 % збільшилася кількість осіб із середнім рівнем розвитку когнітивного компоненту критичного мислення. У контрольній групі зміни також відбулися, але не такі значні.

Аналізуючи практиологічний критерій можна побачити ту саму тенденцію. Так, майже у 9 разів зросла кількість молодих людей в експериментальній групі із високим рівнем показників (було 7.6 %, стало 18.9 %) і у 1.5 рази зменшилася їхня кількість із низьким рівнем (було 46.5 %, стало 29.5 %). У контрольній групі зміни також відбулися, але вони не є статистично значущими: високий рівень – було 2.3 %, стало 2.7 %, низький рівень – було 48.5 %, стало 46.9 %.

Зміни у показниках контрольної групи ми пов'язуємо із актуалізацією досліджуваного питання на констатувальному етапі експерименту.

Ми довели, що переважна більшість представників експериментальної групи опанували навички критичного мислення. Учасники Програми навчилися пояснювати і використовувати в різних контекстах і з різними джерелами знань такі операції, як розуміння, аналіз, синтез, оцінка та ін.; протидіяти впливу, надавати інформацію критичній оцінці.

Висновки. Таким чином, аналіз експериментальних даних засвідчив ефективність розробленої комплексної програми профілактики деструктивного впливу інтернет-середовища на учнівську молодь. Зокрема, отримані наприкінці формування експерименту показники в експериментальній та контрольній групах достовірно відрізняються, а зафіксовані при цьому зміни є статистично значущими порівняно з його констатувальним етапом.

Список використаної літератури

1. Архипова Є.О. Медіаосвіта в контексті захисту людини від деструктивних інформаційних впливів // Вісник Національного технічного університету України „Київський політехнічний інститут”. Філософія. Психологія. Педагогіка. 2012. № 2. С. 11-17. [Arkhyrova YeO. Mediaosvita v konteksti zakhystu liudyny vid destruktivnykh informatsiynykh vplyviv. Visnyk of National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute". Philosophy. Psychology. Pedagogics. 2012; (2): 11-17. (In Ukrainian).]

2. Гіда О.Ф. Соціальні мережі як засіб деструктивних впливів через інформаційний простір // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). 2013. № 3(спец.

вип.). С. 268-278. [Hida OF. Sotsialni merezhi yak zasib destruktivnykh vplyviv cherez informatsiinyi prostir. Borotba z orhanizovanoiu zlochynnistiu i koruptsiieiu (teorii i praktyka). 2013. (3): 268-278. (In Ukrainian).]

3. Кахно І. Деструктивний вплив засобів масової інформації на стан психічного здоров'я сучасної молоді // Збірник наукових праць: філософія, соціологія, психологія. 2015. Вип. 20(2). С. 9-15. [Kakhno I. Destruktyvnyi vplyv zasobiv masovoi informatsii na stan psykhychnoho zdorovia suchasnoi molodi. Zbirnyk naukovykh prats: filosofii, sotsiologii, psykholohii. 2015. 20 (2): 9-15. (In Ukrainian).]

4. Компанцева Л.Ф. Деструктивні впливи на свідомість інформаційного суспільства // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. 2009. № 3. С. 82-86 [Kompantseva LF. Destruktyvni vplyvy na svidomist informatsiinoho suspilstva. Suchasni informatsiini tekhnolohii u sferi bezpeky ta oborony. 2009. (3): 82-86. (In Ukrainian).]

5. Кононович Д.О. Критеріальна база дослідження сформованості критичного мислення // Modern scientific researches. 2021. № 15. С. 65-69. [Kononovych DO. Criteria base for researching the formation of critical thinking. Modern scientific researches. 2021. (15):65-69.] <https://DOI:10.30889/2523-4692.2021-15-02-012>

6. Кононович Д.О. Технологія соціальної роботи з формування критичного мислення учнівської молоді як засіб запобігання медіа-маніпуляціям // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка: Педагогічні науки. 2019. № 1 (324) Ч. I. С. 24-29. [Kononovych DO. Tekhnolohiia sotsialnoi roboty z formuvannia krytychnoho myslennia uchnivskoi molodi yak zasib zapobihannia media-manipuliatsiam. Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University. 2019. 1(1 (324): 24-29. (In Ukrainian).] [https://DOI:10.12958/2227-2844-2019-1\(324\)-1-24-29](https://DOI:10.12958/2227-2844-2019-1(324)-1-24-29)

7. Остроухов В.В. Основні загрози особистісній безпеці від деструктивних інформаційних впливів (вплив на людину деяких фізичних факторів інформаційного середовища) // Сучасний захист інформації. 2010. № 3. С. 4-12. [Ostroukhov VV. Osnovni zahrozy osobystisnii bezpetsi vid destruktivnykh informatsiynykh vplyviv (vplyv na liudynu deiakykh fizychnykh faktoriv informatsiinoho seredovishcha). Suchasnyi zakhyst informatsii. 2010. (3): 4-12. (In Ukrainian).]

8. Томчук М.І., Томчук С.М. Деструктивний вплив інформаційних засобів на емоційно-почуттєву сферу особистості у дошкільно-юнацькому віці // Наука і освіта. 2014. № 9. С. 85-88. [Tomchuk MI, Tomchuk SM. Destruktyvnyi vplyv informatsiynykh zasobiv na emotsiino-pochuttievu sferu osobystosti u doshkilnomu-yunatskomu vitsi. Science and Education. 2014. (9): 85-88. (In Ukrainian).]

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНЕТ ПЛАТФОРМЫ „BLACKBOARD” ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ПРЕПОДАВАНИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГОSimeonova V. T.
Medical university - Varna**THE POSSIBILITIES OF THE INTERNET-BASED BLACKBOARD PLATFORM IN DISTANCE TEACHING AND LEARNING OF BULGARIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.101

Аннотация. В данной статье показана эффективность преподавания болгарского языка как иностранного в электронной среде в медицинском вузе с помощью интернет платформы „Blackboard”.

Summary. The paper presents the effectiveness of teaching Bulgarian as a foreign language in an electronic environment in a medical university through internet platform “Blackboard”.

Ключевые слова: интернет платформа „Blackboard”, дистанционное обучение, электронные ресурсы, связанные с преподаванием дисциплины „Болгарский язык как иностранный”

Key words: internet platform “Blackboard”, distance learning, electronic resources in the discipline „Bulgarian as a foreign language”

Вызовы нового времени заставили руководства школ и вузов сделать изменения в формах обучения или же ускорили их введение. Дистанционный формат обучения в электронной среде должен был заменить в короткие сроки аудиторный формат обучения. В связи с этим Медицинский университет в Варне, который располагает интеллигентной и доступной для использования интернет платформой „Blackboard”, сравнительно быстро организовал учебный процесс по всем дисциплинам [3, с. 10]. Данная платформа располагает разнообразными инструментами для организации учебного процесса, возможностями для создания упражнений, развивающих умения и навыки студентов, для сохранения видео- и аудиофайлов, разделами для тестов для самопроверки и контроля качества знаний как со стороны студентов, так и со стороны преподавателя.

Цель настоящей работы - представить эффективность внедренной образовательной платформы „Blackboard” и дистанционной программы для изучения болгарского языка как иностранного.

Необходимо отметить, что в Медицинском университете в Варне несколько лет тому назад был создан Интернациональный центр электронного и дистанционного обучения. В последние годы специалисты центра регулярно организуют курсы обучения преподавателей по различным аспектам работы на электронной платформе „Blackboard”: Работа с электронным журналом (Grade Center), Экзаменационное программное обеспечение – Lockdown Browser и Respondus Monitor, Создание и организация учебного содержания по данной дисциплине и др. Все преподаватели имеют возможность самостоятельно определить время участия в организованных курсах или же прослушать самостоятельно запись лекции.

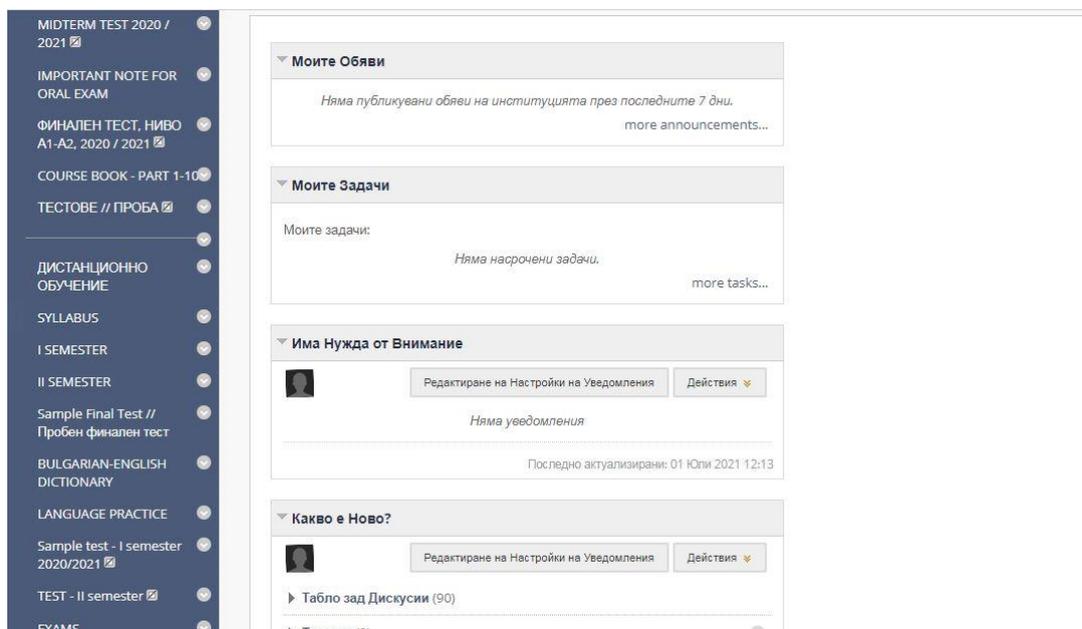
Интернет платформа „Blackboard” богата электронными ресурсами и инструментами и

является удобным средством для обучения. Вот перечень некоторых ее возможностей, нашедших применение в обучении иностранных студентов болгарскому языку:

- Планирование и сообщение о предстоящих обучених - отправляется всем потенциальным участникам;
- Создание виртуального конферентного зала или классной комнаты;
- Осуществление аудио- и видеоконферентной связи между неограниченным количеством участников;
- Интерактивная доска – написание и редактирование данных;
- Синхронизация между аудиофайлом и текстом;
- Общий рабочий экран (интерактивная белая доска) в реальное время и работа на нем;
- Возможность синхронизировать аудио с текстом;
- Обмен множества файлов (документов, таблиц, презентации) независимо от количества участников;
- Совместная работа в режиме реального времени при предоставлении общего доступа к файлам;
- Отправление мгновенных сообщения до неограниченному числу участников;
- Возможность заранее записать видео- и аудиопрезентаций;
- Возможность организовать самостоятельную работе участников учебного процесса в группы или в паре.

Содержание дисциплины „Болгарский язык как иностранный“ в “Blackboard” для первого курса англоязычного обучения по специальностям „Медицина” и „Дентальная медицина” можно описать следующим образом: меню на платформе интуитивно понятное и обеспечивает простоту использования; все секции дисциплины „Болгарский язык как иностранный“ открываются с

левой стороны экрана; студенты и преподаватели легко могут сориентироваться и открыть необходимую в данный момент секцию.

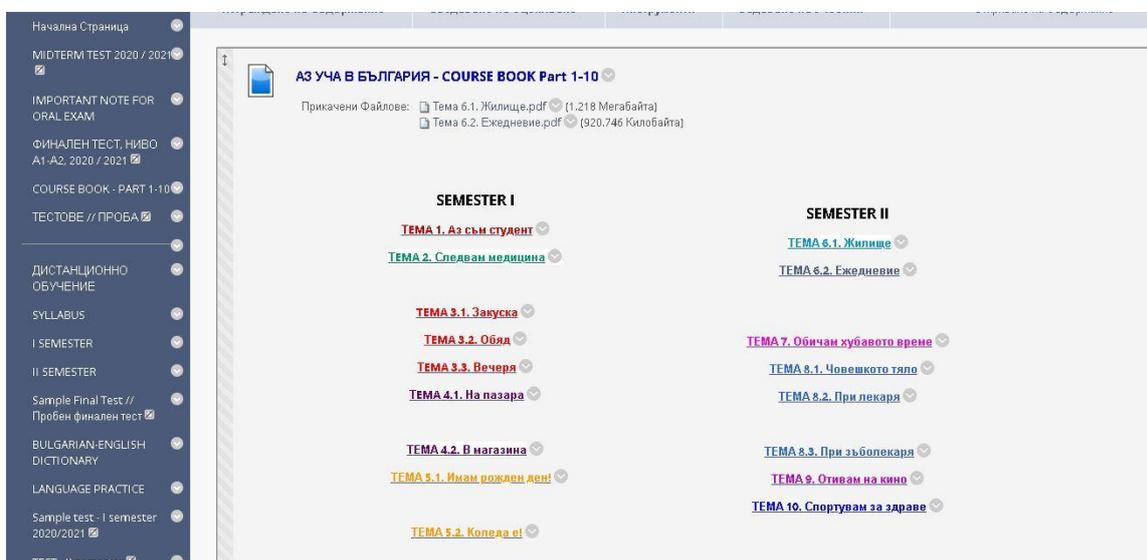

В секции „MIDTERM TEST 2020/2021“ находится промежуточный тест, который студенты решают в конце первого семестра своего обучения болгарскому языку как иностранному. Этот тест является предварительной подготовкой для них и ориентирует в ситуацию электронной среды. Кроме того он знакомит их со структурой электронного теста и с типами задач в нем. Это своеобразный старт для студентов первого курса, которые впервые погружаются в глубину многокомпонентной интуитивной интернет платформы „Blackboard“.

Во второй секция „IMPORTANT NOTE FOR ORAL EXAM“ содержится важная информация о содержании дисциплины, о грамматическом и лексикальном материале, которым нужно овладеть, чтобы сдать устный экзамен в конце академического года.

„ФИНАЛЕН ТЕСТ, НИВО A1 – A2, 2020/2021“ („ФИНАЛЬНЫЙ ТЕСТ, УРОВЕНЬ A1 - A2, 2020/2021“ – это третья часть дисциплины „Болгарский язык как иностранный“ на платформе „Blackboard“. Здесь размещен примерный электронный тест, дающий представление о формате и уровне итогового (экзаменационного) теста в конце второго семестра академического года. На этом этапе обучения у студентов уже есть практический опыт, так как они уже знакомы с подобным промежуточным тестом.

Одна из ключевых секции – это „COURSE BOOK – PART 1-10“, где находится учебник болгарского языка в формате pdf. Он доступен в любое время и с любого электронного устройства, которое располагает мобильным интернетом, кабельным интернетом или с wi-fi – смартфона, стационарного компьютера, планшета, ноутбука.

В секции „ТЕСТОВЕ //ПРОБА“ („ТЕСТЫ //ОБРАЗЕЦ“) можно найти электронные тесты, предназначенные для предварительной подготовки студентов, у которых каким-то образом есть трудности, связанные со структурой теста или с электронной средой. Таким образом Медицинский университет в Варне, обеспечивает полностью желание, стремление и время студентов, чья цель – осваивание и углубление знаний и умений в области болгарского языка.

В секции „ДИСТАНЦИОННО ОБУЧЕНИЕ“ („ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ“) проводится дистанционный присутственный формат обучения в онлайн среде. Здесь каждый преподаватель болгарского языка как иностранного имеет возможность создать свою виртуальную классную комнату, в которой он проводит онлайн свои семинары во время всего учебного года. Виртуальная классная комната располагает всеми необходимыми инструментами в связи с бесперебойным и качественным проведением учебного процесса – белая электронная доска, на которой могут писать и студенты; онлайн чат между всеми участниками семинара – преподавателями и студентами; возможность

организовать эффективную работу студентов в малых группах, возможность обмениваться файлами; осуществление аудио- и видеоразговор в режиме реального времени; возможность увеличивать размер общих файлов, например, если шрифт маленького размера и его трудно читать; возможность записывать данную сессию; генерирование документа после каждой проведенной сессии, в котором в списке группы содержится информация о времени захода каждого студента, а также информация об отсутствующих.

Секция „SYLLABUS“ знакомит студентов с требованиями к уровню языковой компетенции студентов первого курса.

Следующие части „I SEMESTER“ и „II SEMESTER“ располагают множеством аудио- и видеоматериалами и файлами, которые являются частью учебника. Они созданы преподавателями болгарского языка при содействии Университетского телевидения с целью визуализации текстового материала учебника и дают возможность студентам слушать и смотреть учебные монологи и диалоги, максимально приближенные к возможным реальным ситуациям.

Секции „SAMPLE TEST – I SEMESTER 2020/2021“ и „SAMPLE FINAL TEST“ – очередная форма, которая предоставляет возможность подготовиться перед концом академического года. Здесь студенты снова могут проверить свои знания и подготовку по дисциплине.

„BULGARIAN - ENGLISH DICTIONARY“ – это следующий момент в организации учебного материала. Здесь студенты находят в переводе болгарскую лексику, которая изучается во время первого года трехгодичного курса болгарского языка.

Секция „LANGUAGE PRACTICE“ содержит упражнения по всем темам учебника. Эти упражнения созданы для самостоятельной работы. После конца каждой из тем учебника студенты могут сделать данные упражнения, связанные с

темой. Оценка в баллах дает информацию студенту о том, какого уровня знаний он достиг, а возможность выполнить упражнение повторно закрепляет уже изученный материал и улучшает подготовку.

Перечисленные секции являются основными рабочими сегментами, которые напрямую связаны с учебным процессом. Работа над их созданием - это результат многолетнего труда преподавателей. Большая часть этой работы проделана до появления необходимости перейти к дистанционному обучению. Цель созданных материалов на платформе - это организация самостоятельной работы студентов в аудиторное или внеаудиторное время под руководством преподавателя, чья роль сегодня значительно изменилась.

Необходимо отметить, что вопреки наличию дополнительных возможностей программного обеспечения с целью ограничения списывания (например Respodnus LockDown Browser), решающее значение для получения оценки реальных знаний имеют корректность и сознание студентов. Кроме наличия и доступа к интернет платформе „Blackboard“, большую роль в эффективности обучения и успеваемости студентов в режиме онлайн имеют мотивация и чувство ответственности студентов. Опыт показывает, что успех студентов, сознательно и с чувством ответственности работающих в электронной среде, сопоставим с успехом при традиционной аудиторной форме обучения.

В заключении можно сказать, что онлайн преподавание болгарского языка как иностранного прошло очень хорошо и оно постигло свои основные цели, а результаты обучения можно считать хорошими, имея в виду создавшихся обстоятельства. Такой тип обучения оказывается невозможным без непрерывной электронной коммуникации между преподавателями и студентами. Для этого необходимо понимание новой роли преподавателя и новых требований к его профессионализму, готовность к переменам и к разработке новых технических и методических решений.

УДК 37.011.3
ГРНТИ 14.09.03

Список литературы:

1. Долгова Т. В. Смешанное обучение – инновация XXI века // *Интерактивное образование* .2017. № 5. [Dolgova TV Smeshannoe obuchenie – innovacija XXI veka. Interaktivnoe obrazovanie .2017;(№ 5) (In Russ).] https://interactiv.su/wp-content/uploads/2017/12/IO_5_interactive.pdf
2. Мерджанов И. E-Campus. Съвременни форми на електронно обучение (Современные формы электронного обучения) // В: Стено; .2013. [Merdzhanov I. E-Campus. Savremenni formi na elektronno obuchenie. Varna. Steno. 2013]
3. Христова А, Петрова Св, Папазова Е. Оценка на въздействието на обучението от разстояние в електронна среда или други неприсъствени форми върху ефективността на училищното образование (Оценка воздействия обучения от расстояния в электронной среде или других неприсутственных форм на эффективность школьного образования) // Институт за изследвания в образованието .2020. [Hristova A, Petrova Sv, Papazova E. Osenka na vazdeistviето na obuchenieto ot razstojanie v elektronna sreda ili drugi neprisastveni formi varhu effektivnostta na uchilishnoto obrazovanie. Institut za izsledvanija v obrazovaniето .2020.] http://ire-bg.org/wpsite/wp-content/uploads/2020/10/Otsenka-na-vazdeystviето-na-ORES_IIO.pdf

Snezhitsky P.V.

*Candidate of Pedagogical Sciences
Associate Professor
Grodno State Agrarian University*

THE GENESIS OF MOTOR (PHYSICAL) CULTURE OF THE PERSONALITY

Снежцкий Павел Владимирович
кандидат педагогических наук

*доцент кафедры физического воспитания и спорта
Гродненский государственный аграрный университет*

ГЕНЕЗИС ДВИГАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Summary. The relevance of the content and duration of daily physical activity as the basis for the development of the health-creating function of the basic human physical culture has been recently increasing. This is connected with the fact that the majority of representatives of the modern community is losing the value-semantic competencies of the individual in understanding the importance of physical activity for the forming and saving human health on the background of growing general hypokinesia. The aim of the research work is the scientific and theoretical interpretation of the genesis of physical culture as a biosocial phenomenon and its role in the development of the health-creating function of the individual at different stages of culture genesis and in different conditions of biogeosocialcencosis. There were used axiological, retrospective, ethnoarchaeological, stratification and biogenic approaches in the research. The result of the research shows that the health of an individual is initially based on the hereditary potential of a biological species, but later due to the interaction with biogeosociocencosis it is implemented in a set of cultural-motor and cultural-behavioural algorithms depending on the social and subject environment. This determines the vector and level of development of the health-creative function of physical culture of the individual in ontogenesis.

Аннотация. Актуальность содержания и продолжительности повседневной двигательной деятельности как основы развития здоровьесозидающей функции базовой двигательной культуры человека в последнее время возрастает. Это связано с утратой большинством представителей

современного мирового сообщества ценностно-смысловых компетенций личности в понимании важности значения двигательной активности для формирования и сохранения здоровья человека на фоне растущей всеобщей гипокинезии. Целью статьи является научно-теоретическое обоснование генезиса двигательной культуры как биосоциального феномена и ее роли в развитии здоровьесозидающей функции личности на различных этапах культуругенеза и в различных условиях биогеосоциоценоза. Исследование выполнено на основе аксиологического, ретроспективного, этноархеологического, стратификационного и биогенного подходов. Исследованием было установлено то, что здоровье индивида изначально базируется на наследственном потенциале биологического вида, который позже на определенном уровне вследствие взаимодействия с биогеосоциоценозом реализуется в совокупность культурно-двигательных и культурно-поведенческих алгоритмов в зависимости от социального и предметно-средового окружения. Это определяет вектор и уровень развития здоровьесозидательной функции двигательной культуры личности в онтогенезе.

Key words: physical culture; health-creating function; biogeosociocenosis; phylogenesis; ontogenesis; species; individual; personality.

Ключевые слова: двигательная культура; здоровьесозидающая функция; биогеосоциоценоз; филогенез; онтогенез; вид; индивид; личность.

Постановка проблемы. Изучение анатомического строения опорно-двигательной системы человека (впрочем, как и животных) позволяет заключить, что его тело обладает не просто большим, а огромным двигательным потенциалом. То есть, скелет человека, состоящий у взрослых из 208 костей (а у детей из 300) на которых закреплено около 600 мышц, обеспечивающих подвижность в 360 суставах, способен выполнить огромную вариативность простых (свыше 1000 поступательных и вращательных двигательных действий) и еще большее количество гораздо более сложных взаимно-сопряженных двигательных комбинаций (в трехмерной системе координат со многими степенями свободы). При этом, заложенная природой прочность опорно-двигательного аппарата человека превосходит требуемую по обеспечению его жизнедеятельности в 10 – 100 раз. Для чего все это необходимо, если в повседневной жизни более 90 % людей используют менее 10 % заложенных природой двигательных возможностей (и с каждым годом данная ситуация прогрессирует). Зачем природе (или творцу) было создавать столь сложный (в рамках понятий сегодняшнего технократического общества дорогостоящий и не представляющий рентабельности) биологический механизм, чтобы потом использовать его менее чем на 10 % собственной мощности? Парадокс? Или все-таки естественно-природная рациональность, предусматривающая (или закладывающая) максимальные возможности восстановления утраченных функций открытой биосоциальной системой (которой является человеческий организм) при реализации механизмов биологической адаптации к более сложному взаимодействию с постоянно изменяющимися условиями биогеосоциоценоза (по вынужденной, или заранее предусмотренной необходимости). Это еще раз подтверждает актуальность движения, как основной биосоциальной здоровьесозидающей функции у вида *Homo Sapiens*, утрата которой приводит к разрушению его гомеостаза.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Научный поиск выхода из глобального кризиса двигательной культуры личности в современном мировом сообществе, связанный с противостоянием естественному сворачиванию двигательной функции человека, обуславливает приоритетный характер вопроса о сохранении гомеостаза не только конкретного индивида, но подавляющего большинства всех сообществ, популяций и человечества в целом. Если раньше в доиндустриальную (и тем более доинформационную) эпоху высокий уровень двигательной культуры личности для большинства представителей различных сообществ являлся гарантом социальной успешности и экономической независимости, то в настоящее время это стало абсолютно не обязательным. Аксиологический аспект (ценностная иерархия) в шкале жизненно-важных приоритетов современной личности позволяет констатировать старомодность такого тезиса как «движение – это жизнь». Отсутствие осознания движения как актуального и жизненно-необходимого биосоциального явления для сохранения здорового тела, приводит к прогрессу патологических и болезнетворных процессов в онтогенезе человека. Стремление заменить здоровьесозидающую функцию двигательной культуры патологической надеждой на медикаментозные средства, приводит к регрессу жизнедеятельности личности и «фармакологической зависимости». Однако так было не всегда... **Целью статьи** является научно-теоретическое обоснование генезиса двигательной культуры как биосоциального феномена и ее роли в здоровьесозидающей функции личности на различных этапах культуругенеза и в различных условиях биогеосоциоценоза белорусского этноса. Основными методами нашего исследования стали научно-теоретический анализ и синтез исследований ученых в области философии, биологии, социологии и педагогики, позволившие разносторонне изучить суть проблемы за определенный культурно-исторический период начиная от выделения человека как вида *Homo Sapiens* из животного мира и до наших дней.

Изложение основного материала. Приступая к анализу влияния биосоциального фактора на становление здоровьесозидающей функции двигательной культуры личности, необходимо обратиться к истокам ее природосообразности, заключающейся в рациональности общих для человека и животных двигательных реликтов: поз, локомоций и присущих преимущественно только виду *Homo Sapiens* (за некоторым исключением близких к нему по двигательному развитию приматов) манипуляциям. Если в основу двигательной структуры у превалирующего большинства представителей наземной фауны положены три позы тела (стоя, лежа и сидя) и три базовые локомоции (ходьба, бег и лазанье или ползание), предназначенные для перемещения тела в пространстве, то именно обладание развитой способностью к манипуляции, позволяет выделить человека из общей животной-видовой массы на протяжении известной нам эволюции биосферы Земного шара.

Анализ целевой и функциональной принадлежности тех или иных материальных манипуляционных предметов (орудий труда, охоты, обороны, быта, досуга и т.д.) может нам помочь в определении специфики развития двигательного разнообразия и качества исполнения двигательных действий, присущих той или иной эволюционно-исторической эпохе, начиная от примитивных способов применения палок с камнями и заканчивая виртуозным владением сложнейшими музыкальными инструментами (этноархеологический аспект). В этой связи, приоритетное выделение этноархеологического подхода [1, 2] (реконструкция структуры двигательных действий человека, присущих различным сторонам жизнедеятельности представителей первобытных и последующих культур, на основе материальных остатков (артефактов)) в генезисе здоровьесформирующей функции двигательной культуры различных этносов на различных культурно-исторических этапах развития, может стать объективно наиболее информативным среди прочих. Поскольку целевое предназначение артефакта и связанная с этим, обеспечивающая его использование двигательная функция индивида, находятся в теснейшей культурно-эмпирической взаимосвязи, то именно обладание им будет характеризовать уровень двигательной культуры данного сообщества на данном культурно-историческом этапе.

Следовательно, на основе научного анализа материально-предметного наполнения повседневной жизнедеятельности сообщества (этноса), мы можем судить о степени двигательно-средового взаимодействия его представителей и биогеосоциозноса, формирующего определенный уровень двигательно-культурных взаимоотношений индивида и его окружения. Поэтому, наличие тех, или иных артефактов, в обиходе тех, или иных этносов, свидетельствуют о том, или ином уровне манипуляционно-

двигательной культуры, обладающего ими сообщества на том, или ином историческом этапе.

Таким образом, в качестве двигательных реликтов, объединяющих человека с остальными животными (а в мировом сообществе и все этносы) и несущих в себе общие принципы природосообразной функционально-целевой реализации двигательной деятельности, мы выделяем позы тела (как каркас в структуре двигательной функции), локомоции (как средство перемещения тела в пространстве) и манипуляции (как средство перемещения других тел в пространстве в угоду манипулятору). При этом содержание и сложность манипуляций в двигательной сфере человека, определяемое развитием окружающей материально-предметной среды популяции, свидетельствует об уровне двигательной культуры (и культуры в целом) как личности, так и конкретного этноса.

По превалированию тех или иных предметно-функциональных групп, объединяющих орудия повседневного обихода и определяющих их предназначение, можно установить двигательную структуру сообщества и долевое соотношение видов жизнедеятельности (земледелие, собирательство, животноводство, охота и т.д.), а также виды социального сосуществования (оседлое, кочевое, мирное, оборонное, захватническое и др.), присущих конкретному этносу. Такой подход позволяет говорить об стратификационном характере двигательной культуры сообществ даже в рамках одного конкретного этноса, но при этом, определяющем структуру его двигательной культуры.

Говоря об этнической культуре белорусских земель и ментальности белорусского народа, многие авторы отмечают отсутствие единой монолитной праосновы в происхождении белорусского этноса, склоняясь при этом в его определении к неоднородному демографическому образованию в определенном географическом месте (центре Европы), где произошла встреча различных этнокультур. Это характеризует ментальность белоруса, как совершенно открытую и не испытывающую никакого страха перед новыми элементами в процессе дальнейшего демографического смешения [3], и направленную на дальнейшее расширение как общекультурного, так и двигательно-культурного наследия для будущих поколений.

Проведенные исследования этногенеза в Республике Беларусь на основе методологии новой науки ДНК-генеалогии показывают наличие у 51 % белорусов общего предка, жившего около 5500 лет назад, у 18 % – 2200±250 лет назад, у 10 % – 2700±400 лет назад и у 6 % – 3700±450 лет назад. Общие древние предки, представленные одними и теми же Y-хромосомными линиями, установлены в 1/3 случаев, как у этнических белорусов, так и у этнических русских, что свидетельствует о близости происхождения обоих восточнославянских народов, поскольку они

восходят к одним и тем же группам древних этносов [4]. Вместе с тем особенностью этногенеза белорусов можно определить наличие генеалогического вклада древних балтских народов и крымских татар (для русского этноса более свойственно влияние финно-угорских народов Русской равнины).

Таким образом, выявленные с соседними этносами различия, могут свидетельствовать о том, что, несмотря на происхождение от общих древних предков (наличие общих древних генеалогических линий), культурно-историческое развитие современного белорусского этноса имело свои особенности, присущие только для данной территории. В целом Беларусь составляет единую славянскую зону со славянами Восточной Европы по данным ДНК-генеалогии с точки зрения истории миграций и времен жизни общих предков ДНК-генеалогических линий [4].

Следовательно, современные белорусы (в большей степени, представляющие сельское сообщество, и в меньшей степени – городское сообщество) являются носителями двигательных реликтов, в целом присущих восточнославянскому этносу. Исследование и выявление функций предметов повседневного обихода и реконструкция связанной с ними видов жизнедеятельности, позволяет нам определить исторически сложившуюся долею структуру базовых видов двигательной культуры белорусов, таких как земледелие (пашенное и подсечно-огневое) – 4/5; животноводство (коровы, лошади, овцы и др.) – 3/5; охота, рыболовство и бортничество – 2/5; ремесленничество (строительство жилья и транспортных средств, также изготовление орудий труда, охоты, оружия, домашней утвари и т.д.) – 1/5; воеводство (профессиональное служение в военной дружине князя) – менее 1/100. Несомненно, что данный уклад жизни способствовал сохранению из поколения в поколение традиционных двигательных навыков и формированию новых, актуальных для сохранения жизни и жизнеобеспечения этноса соответственно изменяющимся условиям биогеосоциогенеза. Это в перспективе привело к определенному сложившемуся эмоционально-поведенческому и двигательному стилям представителей восточнославянского этноса в период образования различных территориально-политических союзов в период XV – XVII веков, являющегося началом формирования белорусского этноса на территории Великого княжества Литовского. Что можно считать точкой отсчета при теоретическом анализе культурных традиций в двигательной деятельности населяющих территорию данного государства сообществ как проосновы белорусского этноса.

Однако рассмотрение генезиса двигательной культуры в рамках только филогенеза было бы неполным, поскольку исследованиями многих авторов XIX – XX веков было установлено, что онтогенез человека вобрал в себя наряду с

культурогенезом основные этапы последнего. В продолжение этноархеологического подхода в генезисе двигательной культуры сельского сообщества целесообразно добавить концепцию рекапитуляции Г. С. Холла (1844 – 1924), отражающую основную суть ранее сформулированного Э. Г. Геккелем (1834 – 1919) биогенетического закона развития психики человека в онтогенезе, свидетельствующего о том, что «онтогенез есть краткое повторение филогенеза». Данная теория получила свое развитие в работах немецкого психолога В. Л. Штерна (1871–1938), который в «теории конвергенции» определяет процесс развития человеческого потомства соответственно этапам филогенеза и культуригенеза человека, регламентирующихся следующими временными периодами психического становления (хронология относительно условна, поскольку оригинальна для каждого индивида соответственно его онтогенетической программе) [5, 6, 7]:

– 1-ая стадия млекопитающего – четвероногие (первое полугодие первого года жизни – первая половина младенчества);

– 2-ая стадия высшего млекопитающего – приматы (второе полугодие первого года жизни – вторая половина младенчества);

– 3-ая стадия начальных ступеней человеческого состояния или высших приматов – австралопитеки (2-3 года жизни – раннее детство);

– 4-ая стадия развития первобытных народов (4-6 лет – дошкольный (игровой) возраст);

– 5-ая стадия усвоения человеческой культуры (7-10 лет – начальный школьный возраст);

– 6-ая стадия античного и ветхозаветного мира (11-12 лет – первая половина подросткового возраста);

– 7-ая стадия фанатизма христианской культуры (13-15 лет – вторая половина подросткового возраста);

– 8-ая стадия культуры Нового времени (16-21 год – юношество и молодость).

В современной психологии учеными наряду с биологическим (наследственностью) в разряд основополагающих факторов онтогенеза ребенка выносятся также социальный (коммуникация) и двигательный-поведенческий (двигательная и психическая активность). Причем фактор деятельности в данном случае является преобладающим, поскольку только в процессе системной (и систематической) работы над собой возможен прогресс в формировании как двигательных, так и иных навыков личности. Поэтому в процессе образования подрастающего поколения (вне зависимости от условий его организации – семья, школа, социум, или иное) на любом культурно-историческом этапе развития общества уровень природосообразной двигательной активности индивида либо стимулирует программу наследственного развития основных функций организма, способствующих здоровьесозиданию – либо тормозит их.

Биогеосоциоценоз же влияет на психическое и двигательное развитие индивида опосредованно через традиционные для данной природно-географической и климатической зоны виды трудовой деятельности и культуру, которые определяют систему воспитания и образования детей. Из чего следует, что в сельских отдаленных регионах стран третьего мира, ребенок будет развиваться несколько иначе, чем в столице развитой Европейской страны. По мнению американского психолога У. Бронфенбреннера (1917 – 2005) с точки зрения валеологического подхода растущий индивидуум активно реструктурирует свою многоуровневую жизненную экологическую среду (представленную микросистемой (Я ↔ я), мезосистемой (Я ↔ семья, школа, сверстники, соседи), экзосистемой (Я ↔ семейная община, трудовой коллектив, средства массовой информации) и макросистемой (Я ↔ ценности, законы, традиции)) адаптируясь к постоянно изменяющимся при взаимодействии с ним условиям. Однако для развития в человеке «человеческого», он нуждается в человеческом окружении. Что подтверждается многочисленными случаями воспитания человеческого потомства среди зверей, которое, впоследствии (вернувшись к людям), так и не могло социализироваться [8]. Данная точка зрения обосновывается в исследованиях Н. Л. Соловьевской (2018), которыми подчеркивается приоритетность социального фактора в психосоматическом развитии человека, особенно на начальных этапах онтогенеза [9].

Многочисленные научные работы исследователей в области этнологии и психологии разделяют биологическое и социальное начала в развитии человека лишь теоретически. Поскольку, в отличие от животных, психическое развитие ребенка в первую очередь подчинено общественно-историческим (а уже потом биологическим) законам. Потомство вида *Homo Sapiens* проходит закономерный процесс развития на базе созданного многими предшествующими поколениями культурно-двигательного потенциала путем усвоения исторически выработанных форм и способов деятельности. Следуя биологическому типу развития человека в филогенезе, можно говорить о том, что процесс приспособления индивида к условиям биогеосоциоценоза происходит посредством наследования свойств вида и приобретения индивидуального опыта [10, 11]. От долевого соотношения которых в итоге и зависит здоровье и жизнеспособность конкретной особи.

На реализацию онтогенетической программы и социализацию ребенка сильнейшее влияние также оказывает обучение, в процессе которого ему передается общественно-исторический опыт. В трудах К. Д. Ушинского (1870) «Воля как власть души над телом», «Физиологическое объяснение произвольности движений» и «Общие замечания о физическом воспитании» одним из важнейших

факторов в обучении подрастающего поколения является физическая культура личности, а основным средством физического воспитания – физический труд, который способствует развитию и поддержанию надлежащего уровня физических кондиций ребенка [12]. По мнению Л. С. Выготского (1930) истинно человеческие высшие психические функции (в том числе и двигательная) являются продуктом культурно-исторического развития общества, а роль обучения ребенка является преобладающей для его психического развития. Двигательно-культурное развитие человека (в отличие от животных) является следствием овладения различными средствами жизнеобеспечения, представленными «орудиями труда, преобразующими природу, и знаками, перестраивающими его психику». Овладеть языком и письмом (как культурным опытом предшествующих поколений) человеческое потомство может только в процессе обучения вне зависимости от места его организации в семье или школе [13].

При научно-теоретическом исследовании генезиса любого антропо-социо-культурного явления (которым и является двигательная культура субъекта) ключевой становится актуальность ретроспективного подхода, как позволяющего выполнить проекцию и цивилизационно-исторический анализ процесса развития последнего. Обеспечение научно-теоретической наглядности, являющейся главным достоинством процесса ретроспективного «разворачивания» событийно-хронологического воспроизведения филогенеза, позволяет выделить основные этапы становления исследуемого феномена и определить их биологические, социальные и культурные границы [14].

В ретроспективе, можно выделить два основных этапа генезиса здоровьесозидающей функции двигательной культуры как биосоциального феномена: естественно-природный и искусственно-природный, где водоразделом выступает доленое соотношение предметов естественно-природного и искусственно-природного материального жизнеобеспечения благополучия человека. Естественно-природный (или доиндустриальный) этап можно назвать «вынужденно-активным» – когда на протяжении многих тысячелетий двигательная деятельность являлась основополагающей в обеспечении существования и сохранения жизни (добывание пищи, сооружение и оборона жилища, а также оборона себя, своей семьи и родовой общины и т.д.), и когда здоровье (и сама жизнь) не индифферентно, а непосредственно зависели от уровня двигательной культуры индивида (физических кондиций и двигательных навыков). На данном этапе в системе жизнеобеспечения системообразующим фактором выступала двигательная функция человека, от которой зависели все остальные [15, 16].

Искусственно-природный (индустриальный) этап соответственно мы назовем «вынужденно-пассивным» – когда научно-технический прогресс позволил большинству представителей мирового сообщества за счет механизации производственных процессов существенно упростить получение материальных благ, необходимых для собственного жизнеобеспечения, снизить уровень физического труда (и затраты энергии связанные с ним), высвободить большое количество времени в режиме дня индивида для иной полезной деятельности и т.д. На данном этапе, когда адаптированная человеком природная среда создала ему комфортные условия существования, здоровьесозидающая функция двигательной культуры из разряда обязательных жизнеобеспечивающих, перешла в разряд необязательных потенциально-реализуемых. В связи с этим в современном обществе все больше становится актуальной проблема формирования двигательной-культурной мотивационно-ценностной (аксиологический аспект) основы личности, которая способствовала бы созданию осознанной потребности в рациональной и природосообразной здоровьесозидающей двигательной деятельности. Это позволило бы максимально реализовать двигательный потенциал каждого индивида посредством высококультурных двигательных алгоритмов в повседневной жизнедеятельности, чем активно способствовать его здоровьесозиданию и самосозиданию.

Выводы и предложения. Резюмируя вышесказанное и принимая во внимание то, что вся мировая культура (как в косвенном, так и в прямом смысле) является творением рук человеческих (в том числе и сам человек), а «человеческая рука» (как обобщающий образ тела человека) – первым естественно-природным орудием воплощения мыслительной в двигательную созидательно-предметную деятельность, позволяет нам, утверждать о первоочередности двигательной культуры человека в развитии мировой культуры в целом. А также, рассматривая двигательную культуру личности как когнитивно-аксеологический потенциал предшествующих поколений, закладываемый в семье (передаваемый в первую очередь матерью) и воплощаемый индивидом в процессе его введения во взаимодействие с биогеосоциоценозом в высокорациональные двигательные алгоритмы, следует выделить превалирующую роль социально-личностного аспекта в качестве формирования здоровьесозидающей функции субъекта. При этом, здоровьесозидающая функция двигательной культуры является базовой для человека, поскольку предполагает его социально-биологическую адаптацию и обеспечивает основу для развития прочих функций личности, что предоставляет индивиду возможность высокоэффективного взаимодействия с биогеосоциоценозом и полноценной реализации индивидуальных творческих потенциалов в нем. При

этом, здоровьесозидающая функция двигательной культуры изначально направлена на сохранение как самого индивида так и человеческой популяции в целом (популяционного гомеостаза), что является определяющим аспектом в иерархии общечеловеческих ценностей личности.

Таким образом, научно-теоретический анализ генезиса здоровьесозидающей функции двигательной культуры человека с точки зрения ретроспективного, этноархеологического, стратификационного и биогенетического подходов позволяет утверждать, что здоровье индивида изначально базируется на наследственном потенциале биологического вида, который позже на определенном уровне вследствие взаимодействия с биогеосоциоценозом реализуется в совокупность культурно-двигательных и культурно-поведенческих алгоритмов в зависимости от социального и предметно-средового окружения. Это определяет вектор направления (прогресс, регресс, стагнация) и уровень развития здоровьесозидающей функции двигательной культуры личности в онтогенезе.

Литература

1. Томилов Н. А. Этноархеология: новое направление российской науки [Tomilov N. A. Etnoarheologiya: novoe napravlenie rossijskoj nauki (In Russ).] <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1999-i2/a005/article.html>. 2021.06.15.
2. Кузнецов О. В. Процессуальная археология и этноархеология охотников и собирателей [Kuznecov O. V. Processual'naya arheologiya i etnoarheologiya ohotnikov i sobiratelej (In Russ).] URL : https://www.researchgate.net/profile/Oleg-Kuznetsov-3/publication/220012744_OVKuznecov_Processualna_a_arheologia_i_etnoarheologia_ohotnikov_i_sobiratelej_EO_2006_No_5/links/5e3c180092851c7f7f209088 . 2021.04.19.
3. Багашов Е. Белорусы как этнос: национальный вопрос в свете суверенитета // Беларуская думка. 2013. № 3. С. 38-40. [Bagashov, E. Belarusy kak etnos: nacional'nyj vopros v svete suvereniteta // Belaruskaya dumka. 2013; (3): 38-40. (In Russ).]
4. Белорусы: этногенез и связь с другими славянскими народами с позиции ДНК-генеалогии // Наука и инновации: научно-практический журнал [Belorusy: etnogenez i svyaz' s drugimi slavyanskimi narodami s pozicii DNK-genealogii // Nauka i innovacii: nauchno-prakticheskij zhurnal (In Russ).] URL : <http://innosfera.by/about> . 2021.04.13.
5. Stern W. (1912). «The Psychological Methods of Intelligence Testing» (G. Whipple, Trans.). Baltimore: Warwick and York. General Psychology from the Personalistic Standpoint (1938).
6. Геккел Эрнст. Мировые загадки. Общедоступные очерки монистической философии. М.: Либроком, 2012. [Gekkel Ernst. Mirovye zagadki. Obshchedostupnye ocherki

monisticheskoy filosofii. M.: Librokom, 2012 (In Russ).]

7. Никольский А. А., Степанов Д. А. Эрнст Геккель – основоположник науки экологии // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2011. №1. [Nikol'skij, A. A., Stepanov D. A. Ernst Gekkel' – osnovopolozhnik nauki ekologii // Vestnik RUDN. Seriya: Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti. 2011; (1) (In Russ).] <https://cyberleninka.ru/article/n/ernst-gekkel-osnovopolozhnik-nauki-ekologii> . 2021.06.09.

8. Веракса Н. Е., Веракса А. Н. Понимание детского развития с позиции экологической теории У. Бронфенбреннера // СДО. 2014. № 10. [Veraksa N. E., Veraksa A. N. Ponimanie detskogo razvitiya s pozicii ekologicheskoy teorii U. Bronfenbrennera // SDO. 2014; (10) (In Russ).] <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-detskogo-razvitiya-s-pozitsii-ekologicheskoy-teorii-u-bronfenbrennera> . 2021.06.10.

9. Соловьевская Н. Л. История развития психосоматики // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 9. С. 11-15. [Solov'evskaya N. L. Istoriya razvitiya psihosomatiki // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. 2018; (9). 11-15 (In Russ).] <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-psihosomatiki> . 2021.06.10.

12. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Максимова В.И. Педагогическая антропология. М., 2001. С. 92-93. [Ushinskij K. D. Shelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii // Maksimova V.I. Pedagogicheskaya antropologiya. M., 2001; 92-93 (In Russ).]

13. Выготский Лев. Мышление и речь. – Изд. «Питер», 2017. [Vygotskij Lev. Myshlenie i rech'. – Izd. «Piter», 2017 (In Russ).]

14. Абрамов Д. Н., Бадилин А. О. Культурно-историческая ретроспектива проблемы воспитания физической культуры личности // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 9. С. 3-6. [Abramov D. N., Badilin A. O. Kul'turno-istoricheskaya retrospektiva problemy vospitaniya fizicheskoy kul'tury lichnosti // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2019; (9) : 3-6. (In Russ).]

15. Снежицкий П. В. Проблема здоровьесозидающей двигательной активности личности как социально-биологический феномен в сельском сообществе // Ученые записки Белорусского государственного университета физической культуры : сб. науч. тр. / редкол. : С. Б. Репкин [и др.] ; Белорус. гос. ун-т физ. культуры. Минск : БГУФК, 2020. Вып. 23. С. 352-359. [Snezhickij P. V. Problema zdorov'esozidayushchej dvigatel'noj aktivnosti lichnosti kak social'no-biologicheskij fenomen v sel'skom soobshchestve // Uchenye zapiski Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoy kul'tury : sb. nauch. tr. / redkol. : S. B. Repkin [i dr.] ; Belorus. gos. un-t fiz. kul'tury. Minsk : BGUFK, 2020; (23) : 352-359 (In Russ).]

16. Снежицкий П. В. К вопросу о двигательной культуре личности в сельском сообществе Республики Беларусь // Мир спорта. 2020. № 2. С. 75-79. [Snezhickij P. V. K voprosu o dvigatel'noj kul'ture lichnosti v sel'skom soobshchestve Respubliki Belarus' // Mir sporta. 2020; (2) : 75-79 (In Russ).]

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.111'373:81'246.2
ГРНТИ 16.31.41

Bakoumenko O. N.
Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), assistant professor
Kuban State University
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1261-9188>
Aleksanyan O. K.
Student
Kuban State University

**CREATIVE BILINGUALISM AND AUTHOR'S TRANSLATION:
OBSERVATIONS ON V. NABOKOV'S LEXICONS**

Бакуменко Ольга Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Кубанский государственный университет
Алексян Оксана Каровна,
студентка,
Кубанский государственный университет

**ТВОРЧЕСКИЙ БИЛИНГВИЗМ И АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД:
НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЛЕКСИКОНАМИ В. НАБОКОВА**

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.102](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.71.102)

Summary. The purpose of this article is to compare the “heavenly” vocabulary used in the English and Russian texts of the same work in the conditions of the author's translation from the point of view of the writer's bilingualism and the problems of the theory and practice of translation. The main part of the article is a comparative analysis of the lists of lexemes of the “sky” cluster, selected from “Speak, Memory” and «Другие берега»; the study of the syntagmatic connections of *sky/небо* and their synonyms that characterize the sky in two cultural and linguistic codes of Nabokov, and a comparison of the source and translated contexts containing lexemes *sky/небо*. The scientific value of the work consists in the fact that the original lexicographic methods of the Kursk school of linguistic folklore study are applied to the proposed empirical material for the first time: the cluster approach, methods of concordance compression and application of dictionary entries. As a result, it is proved that when switching from English to Russian, V. Nabokov departs from his own principle of literal translation.

Аннотация. Целью настоящей статьи является сопоставление наименований небесной сферы, использованных в англоязычном и русскоязычном текстах одного и того же произведения в условиях авторского перевода с точки зрения билингвизма писателя и проблем теории и практики перевода. Основную часть статьи составляет сопоставительный анализ списков лексем кластера «небо», отобранных из “Speak, Memory” и «Других берегов», синтагматических связей *sky/небо* и их синонимов, характеризующих небо в двух культурно-языковых кодах Набокова, а также сопоставление исходных и переводных контекстов, содержащих лексемы *sky/небо*. Научная ценность работы состоит в том, что к предлагаемому эмпирическому материалу впервые применены оригинальные лексикографические методики курской школы лингвофольклористики: кластерный подход, методики сжатия конкорданса и аппликации словарных статей. В результате доказано, что при переходе с английского языка на русский В. Набоков отходит от собственного принципа буквального перевода.

Key-words: V. Nabokov, language personality, bilingualism, author's translation, literal translation, cluster, “heavenly” vocabulary, concordance compression.

Ключевые слова: В. Набоков, языковая личность, билингвизм, авторский перевод, буквальный перевод, кластер, «небесная» лексика, сжатие конкорданса.

Предлагаемое исследование посвящено изучению особенностей авторского перевода, выполненного билингвальным писателем В.Набоковым на примере репрезентаций одного из сегментов картины мира, актуализированных в англоязычном и русскоязычном лексиконах творческой языковой личности. Актуальность выбранной темы связана с неослабевающим вниманием к проблемам частного переводоведения и авторского перевода, а также с растущим

интересом к изучению идиолекта языковой личности.

Под языковой личностью в данной работе понимается любой носитель языка [2, с. 671]. Каждая языковая личность уникальна, имеет собственное когнитивное пространство, обладает своими знаниями языка и использует его с индивидуальными особенностями. При этом языковая личность не может существовать вообще, она неизменно национальна, всегда принадлежит определенному лингвокультурному сообществу.

Когда языковая личность становится обладателем плодов общественного сознания двух культур, осваивая различные языковые приемы восприятия и репрезентации реальности, созданные предыдущими представителями этих языков, то механизмом для совместной работы речи и мышления такого автора-билингва становится художественный билингвизм. В лингвистическом понимании художественный билингвизм выступает как неоднотипная цельная речевая ткань, в которой зафиксировано два речевых кода.

Говоря о художественном билингвизме, нельзя пройти мимо термина «автоперевод». И. А. Резунова определяет автоперевод как «новое авторизованное и переведенное на другой язык произведение, выполненное с соблюдением всех традиционных требований и обладающее целым рядом особенностей» и считает, перевод своего текста лучше всего выполнит сам автор [8, с. 150]. А. М. Финкель отмечает, что, не смотря на сходство задач и трудностей, стоящих перед переводчиком и автором-переводчиком, в автопереводке они приобретают иной масштаб [9].

Одним из самых ярких представителей авторов-переводчиков, ставший классиком русской и американской литературы, является Владимир Владимирович Набоков. З. О. Шаховская отмечает, что Набокову единственному в своем роде удалось достичь такого высокого уровня и индивидуальной манеры писательства на двух языках [11].

В. Набоков всю жизнь занимался художественным переводом, считая билингвизм преимуществом, поскольку имеется возможность «передать точный нюанс, переключаясь с языка на язык» [6, с. 323]. Переводческие суждения он сформулировал в «Искусстве перевода» [5], «Заметках переводчика» [4] и других публикациях. Его оригинальной теоретической базой стал переводческий буквализм, предельно точное воссоздание ассоциативной и синтаксической специфики исходного текста.

В изучении мировидения поэтов и писателей внимание исследователей всегда привлекала

небесная сфера. Считается, что небесная лексика имеет большое значение для формирования творческого сознания автора. Нам показалось интересным на примере этого кластера пронаблюдать за возможными изменениями в мировосприятии билингва, нашедшими свое отражение при самопереводе своего произведения.

В качестве материала для сопоставительного изучения «небесного» фрагмента картины мира билингвальной языковой личности были выбраны «Speak, Memory» и «Другие берега» В. Набокова, так как эти произведения нечасто попадают в поле зрения исследователей.

Исходя из положения, что понятие неба является универсальным, «наднациональным», а также учитывая вышеописанное стремление Набокова к точности переводов, мы можем предполагать, что лексические способы отражения неба в содержании оригинального и автопереводного текстов не будут значительно отличаться.

В работе «Лексикализация концептосфер “Sky”/«Небо» в английском и русском идиолектах В. Набокова» с помощью доминантного анализа мы выяснили, что «на момент создания обоих произведений небо и связанные с ним объекты и понятия особенной важности не представляли, но, тем не менее, наличествовали» [1, с. 1590].

На данном этапе исследования мы применяем кластерный анализ – лексикографическое описание входящих в кластер лексем. Под кластером понимается «совокупность лексем различной частеречной принадлежности, обладающей некоторыми общими признаками, которая репрезентирует фрагмент картины мира» [10, с. 131]. В таблице 1 в кластер «небо» по убыванию частотности объединены английские и русские прямые и метафорические наименования неба, синонимичные лексемы и их производные, встречающиеся в текстах мемуаров, указаны их частеречная принадлежность и количество их словоупотреблений (с/у).

Таблица 1

Лексемы и их словоупотребления кластера «небо» в «Speak, Memory» и «Других берегах»

“Speak, Memory”		«Другие берега»	
лексемы	с/у	лексемы	с/у
sky (skies) n. ‘небо, небеса’	31	небо (небеса) с.	27
blue n. ‘синева’	4	синева с. ‘небо’	4
firmament n. ‘небосвод, небо’	2	небесный п.	3
abyss n. ‘бездна’	1	бездна с. ‘небо’	1
blueness n. ‘голубизна’	1	голубизна с. ‘небо’	1
celestial a. ‘небесный’	1	небожитель с.	1
heaven n. ‘небо, рай’	1		
heavenly a. ‘небесный’	1		
sky-colored a. ‘небесного цвета’	1		
skylight n. ‘небесный свет’	1		
skywards adj. ‘в небо, ввысь’	1		
Итого: 11	45	Итого: 6	37

Из таблицы видно, что английский кластер “sky” состоит из 11 лексем, русский – из шести, что в полноту меньше. Разница в количестве текстовых реализаций не так очевидна: в английском тексте небо тем или иным способом упоминается 45 раз, в русском – 37. При этом 31 с/у принадлежит эпониму кластера – *sky* ‘небо’ и его форме множественного числа *skies* ‘небо, небеса’. Метафорическое наименование неба *blue* ‘синева’ использовано четыре раза. Синонимичное *firmament* ‘небосвод, небо’ отмечено в англоязычном лексиконе дважды. Другие восемь лексем – *abyss* ‘бездна’, *blueness* ‘голубизна’, *celestial* ‘небесный’, *heaven* ‘небо’, *heavenly* ‘небесный’, *sky-colored* ‘небесного цвета’, *skylight* ‘небесный свет’, *skywards* ‘в небо, ввысь’ – имеют однократное употребление. Указанные в англоязычных словарях синонимы *sky* – *azure*, *empyrean*, *firmament*, *heavens*, *lid*, *vault*, *welkin* в исследуемом корпусе текстов не фиксируются.

В переводном русском тексте доминантой также выступает наименование кластера, лексема *небо* (*небеса*), с более низким индексом по сравнению с эквивалентной англоязычной – 27. *Синева* в значении ‘небо’ использовано четыре раза, производное прилагательное *небесный* – три раза, однократное употребление имеют три лексемы: *бездна* и *голубизна* в значении ‘небо’ и *небожитель*. Отмечается, что в русскоязычном лексиконе Набокова нет других синонимов *неба* – лексем *небосвод*, *небосклон*, *поднебесье* и их производных.

В связи с номинативным характером кластера в английском, и в русском словниках преобладают имена существительные, наличествуют имена прилагательные *celestial* ‘небесный’, *heavenly* ‘небесный’, *sky-colored* ‘небесного цвета’ и *небесный* с разным количеством с/у. В обоих кластерах наблюдается применение метафорических наименований неба: *abyss* ‘бездна’, *blue* ‘синева’ и *blueness* ‘голубизна’. Отличает разноязычные группы наличие в английском тексте наречного модификатора с производящей основой *sky-* – *skywards* ‘в небо, ввысь’, что невозможно в русском языке.

Отмеченная значительная разница в количественном отношении актуализированных наименований неба в английском и русском лексиконах, по нашим предположениям, обуславливает значительную разницу и в смысловой нагруженности лексем.

С целью проанализировать смысловой потенциал и особенности употребления лексем в оригинале и самопереводе применяется методика сжатия конкорданса, предполагающая учет всех связей исследуемых слов с другими словами в избранном корпусе текстов.

Для выявления качественных различий в одной общей словарной статье были рассмотрены синтагматические связи англоязычных синонимичных существительных *sky* (*skies*) ‘небо, небеса’, *abyss* ‘бездна неба’, *blue* ‘синева’, *blueness*

‘голубизна’ *firmament* ‘небосвод, небо’, *heaven* ‘небо, рай’ с другими лексемами в границах микроконтекстов, достаточных для установления этих связей. В отдельной общей словарной статье проанализированы и их русскоязычные эквиваленты-синонимы *небо* (*небеса*), *бездна*, *голубизна*, *синева*.

Сопоставление созданных словарных статей произведено в соответствии с их структурой: связи с прилагательными, существительными, местоимениями и глаголами (в качестве субъекта и в качестве объекта действия).

Сопоставление атрибутивных рядов

Анализ дает возможность утверждать, что в рассматриваемом корпусе текстов небо билингвального писателя В. Набокова получает в основном характерологические признаки, которые выражаются как атрибутом, так и именной частью сказуемого. Наибольший интерес в этой связи представляют цветовые признаки, поскольку известно, что Набоков обладал «цветным слухом» и по его собственному признанию, чувство цвета, любовь к цвету испытывал всю свою жизнь [6, с. 124].

В англоязычном восприятии Набокова небо не только *blue* ‘синее’, но и *leaden* ‘свинцовое’, *orange* ‘оранжевое’, *peach-colored* ‘персиковое’ и даже *almost violet* ‘почти фиолетовое’ и *cobalt blue* ‘кубовый (кобальтовый синий)’. Необычные цветовые характеристики неба сочетаются с оттеночным *light* (*light green* ‘светло-зеленое’), другими модификаторами: *almost* и *translucent* (*almost violet* ‘почти фиолетовое’, *translucent pink* ‘полупрозрачное розовое’) и суффиксом *-ish* (*greenish* ‘зеленоватое’). «Английское» небо может быть *pale* ‘бледное’ и, напротив, *dark* ‘темное’. *intense* ‘насыщенное’ или *of extraordinary intensity* ‘необычайной интенсивности’. Один авторский окказионализм – *branch-patterned blueness* ‘голубизна в узорах ветвей’ – отражает цвет и узор, другой – *curds-and-whey* ‘творожно-сывороточное’ – на наш взгляд, объединяет описание цвета и структуры неба. Последняя определяется и как *tender* ‘нежное’, и метафорически – *pate of a sky* ‘наштет неба’.

Размеры небесного купола Набоков описывает традиционным атрибутивом *enormous* ‘огромное’ и фразой *fully exposed* ‘полностью раскрывшееся’.

Любопытно, что только вечернее и ночное время суток находят отражение в относительных характеристиках *sky* и его синонимов у Набокова: *evening* ‘вечернее, потухающее’ и *night* ‘ночное’.

Отмечаются противоположные оценки неба, с одной стороны, приятные и радостные: *shining* ‘сияющее’, *tropical* ‘тропическое’, *impeccable* ‘безупречное’, *pet* ‘любимое/желанное’, *starry* ‘звездное’, *voluptuous* ‘роскошное’, с другой – тревожные, депрессивные: *cold* ‘холодное’, *dull* ‘пасмурное’, *dampish* ‘влажное’ *wrecked* ‘разрушенное’, *chaotic* ‘хаотичное’, *dismal* ‘мрачное’, *abyss of frost* ‘холодная бездна’.

К атрибутивным связям мы отнесем и единственное сочетание *sky* с местоимением-прилагательным *that*, указывающим на что-либо отдаленное в пространстве и/или времени или что-либо ранее упомянутое, уже известное.

Исходя из зафиксированных в «Других берегах» микроконтекстов словоупотреблений лексемы *небо* и её синонимов, видно, что и в русскоязычном мировидении в приоритете у билингва Набокова – наделение неба различными характеристиками. Прежде всего, это цветовые и оттеночные определения, как относительно традиционные – *свинцовое, сизое, бледное, оранжевое, черное*, так и оригинальные, авторские – *персиковое, бледно-зеленое, перламутровое и мутно-перламутровое*. На цвет небесной выси указывают и субстантивные связи, здесь тоже отмечается общеязыковое *голубизна неба*, и авторское *небо цвета В* (в тексте «Других берегов» Набоков комментирует свое видение алфавита, буква В наделяется розовато-телесным оттенком). Другие характеристики описывают размер неба – *огромное, целиком раскрывшееся*, его структуру – *нежное, rate 'пахнет' неба*, движение – *скользящая (голубизна)*, состояние – *хаотическое, безоблачное, замерзшее, близкое, тяжелые (небеса), гибельная (бездна)*. Относительные прилагательные и указательные местоимения описывают небо как *искусственное, тропическое, акварельное, зимние (небеса), такие (небеса), летняя (синева), эта (синева)*. Русское небо у Набокова, в основном, *вечернее, потухающее, звездное, (синева) сумерек* и очень редко – *небо дня, день под небесами*.

Сопоставление субстантивных рядов

Субстантивные связи лексемы *sky* реализуют два направления – определяют части небесного пространства – *spread of sky 'слой неба', sector of the sky 'доля неба', gulfs of blue 'пропасти синевы'* и отображают не российское, не родное Набокову небо – *sky of exile 'небо ссылки', the sky of America 'небо Америки'*. Синоним *firmament* персонифицируется – *nakedness of the firmament 'нагота небосвода'*. Синонимы *blue* и *blueness* ассоциируются в англоязычном мировидении Набокова с небом ясного, теплого дня: *the blue of the summer noon 'синева летнего полудня', the receding of blueness 'ускользание голубизны'*.

«Русское» небо тоже может разделяться на *слои, доли*; а также может быть *фоном* и иметь *узоры*.

Сопоставление предикативных рядов

Как субъект действия *sky* в англоязычной картине мира Набокова проявляется нечасто и воплощает сему бытия, расположения в каком-то месте, принадлежности к какому-либо месту: *be kept 'находиться', belong 'принадлежать'*.

Субъектные связи лексемы *небо* с глаголами тоже немногочисленны, реализуют существование <быть>, статическую пространственную локализацию *повисать* и персонифицируют небо *играть (во взоре)*.

Связи *sky* как объекта действия показывают, что в англоязычном мировидении Набокова небо выступает чаще всего как место действия: *swim in a sky 'плыть в небе', linger in the sky 'медлить на небе', pass across the sky 'проходить в небе', go out in the sky 'гаснуть на небе', silhouette against a sky/blue 'быть на фоне неба /синевы'*. Небо может также играть роль своеобразного «свидетеля, наблюдателя» действий: *ski under a sky 'кататься на лыжах под небом', change under the sky 'становиться под небом', sigh beneath the sky 'вздыхать под небом', shudder under skies 'дрожать под небом', hand under the sky 'передать под небом'*. Отмечается функционирование неба в качестве объекта, получателя действия: *striate the sky 'рассекать небо', deduce the sky '(заранее) видеть небо', repeat the sky 'повторить небо', crowd the sky out 'вытеснять небо' I, note the sky 'отмечать небо', breast the blue 'разрывать синеву'*. При этом почти нет контекстов, где небо определяется как направление движения: *ascend the sky 'подниматься в небо', be turned to the sky 'быть обращенным к небу', drift into an abyss 'плыть в бездну'*.

В сочетании <be> *a firmament 'быть небосводом'* реализуется оригинальное сравнение шахматной доски с небом.

Единственный случай текстового употребления *heaven* в глагольном сочетании демонстрирует сему стремления, нацеленности к небу: *thirst for heaven 'жаждать небес'*. В «Speak, Memory» этот контекст содержит прием сравнения.

Русскоязычные актуализированные наименования неба в объектных падежах с глаголами во многом совпадают с англоязычным материалом и чаще показывают небо как место действия (*становиться под небом, предлагать под небом, плыть в небе, висеть в небе, быть видным на небе, медлить на небе, идти под небесами, воспроизвести в синеве, выделяться на синеве*), реже – как направление движения (*подниматься в небо, смотреть на небо, быть обращенным к небу*). С «русским» небом также возможны различные действия – *штриховать небо, (заранее) видеть небо, вытеснять небо, становиться небом, справляться с небесами (переплавлять их), проследить за голубизной*.

Следующей задачей исследования было выявить причину диспропорции в количестве текстовых реализаций эквивалентных наименований. Было произведено детальное сопоставление контекстов в «Speak, Memory» и «Других берегах», содержащих эквивалентные лексемы *sky – небо* и их числовые (и падежные для русского слова) формы, поскольку, во-первых, это ключевые лексемы в обоих списках, во-вторых, в их словоупотреблениях наблюдается наибольшая диспропорция: 31 и 27 единиц соответственно.

Было выявлено 20 случаев передачи *sky/skies* с помощью *небо/небеса*, например: *...his handsome, imperturbable features turned to the sky. – ...прекрасное невозмутимое лицо было обращено к*

небу. Или *At some farther stage, under less leaden skies, there was a great show of rose dells... – ...* Далее, под менее свинцовыми **небесами**, пошел трельяж роз...

Девять употреблений *sky* никак не отражены в «Других берегах», соотносимые контексты полностью отсутствуют, например: *...those fine-wrought steps, with the sky shining through their openwork risers, remained standing... Или ... the dull reverberations of distant trams under dull skies.*

Отмечен один случай, когда автор-переводчик использует соответствующее личное местоимение для передачи *sky* в русском тексте. Учитывая содержание всего предложения, повтор лексемы в переводе избыточен: *...and, by two or three sweeps of its lush tip, would drench the 'Vatmanski' paper with an even spread of orange sky, across which that sky was still dampish, a long purple-black cloud would be laid. – ...и двумя-тремя сочными обзамами пропитывала бристоль ровным слоем оранжевого неба, через которое, пока оно еще было чуть влажно, прокладывалось длинное акулье облако фиолетовой черноты...*

В другом случае *sky* замещается неэквивалентной единицей *краски*: *...Alexander Blok was even then noting in his diary the very peat smoke I saw, and the wrecked sky. – ...как раз в тот вечер Александр Блок отмечал в своем дневнике этот дым, эти краски.*

В то же время, лексема *небо* четыре раз вводится в перевод там, где в английском тексте нет упоминания о *sky*, например: *... and its red sun that, like a flushed moon, hung in the eastern windows... – ...солнце низко висело в замерзшем сизом небе... Или ... with all the world and its trees wheeling in the orb her laughing eye... – ...и дерево и небо и жизнь играют у нее в смеющемся взоре ...*

В одном примере *небеса* в переводе появляется в результате конкретизации слова широкой семантики *things* 'вещь, предмет, дело, штука, нечто и т.д.': *I did not know then (as I know perfectly well now) what to do with such things... – Я тогда еще не умел – как теперь отлично умею – справиться с такими небесами...*

Лексема *небо* один раз используется для перевода *firmament*: *The chess-board before him is a magnetic field, a system of stresses and abysses, a starry firmament. – Постепенно доска перед ним становится магнитным полем, звездным небом, ...*

Заключительный пример иллюстрирует комплексную трансформацию, когда существительное *небо*, в сочетании с наречием *высоко*, применяется для передачи наречия *skywards* 'высь, к небу': *...where the wires – six thin black wires – were doing their best to slant up, to ascend skywards ... – ...шесть тонких черных проволок на бледном небе, – которые поднимаются все выше, с трогательным упорством...*

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы и предположения.

При переходе с одного языка на другой билингвальный автор-переводчик В. Набоков демонстрирует некоторую модификацию исследуемого фрагмента картины мира, что проявляется уже на статистическом уровне: в оригинале небесная лексика более разнообразна и употребительна, чем в переводе. Отчасти это можно объяснить специфическими словообразовательными возможностями английского языка (так, *sky-colored, skylight, skywards* на русский язык передаются словосочетанием).

Из всех языковых синонимов наименований неба Набоков отбирает для оригинала шесть, для перевода – четыре лексемы и использует их в тексте соответственно 40 и 33 раза. Аппликация созданных нами словарных статей этих синонимических групп показала, что идиолектные особенности употребления слов билингвом определяются, в первую очередь, обильно представленными адъективными и предикативными рядами. При этом оригинальный текст демонстрирует более разнообразные синтагматические связи. Умеренно представлены в обоих конкордансах субстантивные ряды, скорее сопровождая предикативный ряд. Ни в английском, ни в русском текстах небо не рассматривается как исходная точка перемещения в пространстве и не ассоциируется с некоей высшей силой, в руках которой находится жизнь человека, что может рассматриваться как определенная характеристика личности автора.

Эти результаты свидетельствуют об отсутствии ожидаемой точности при переводе. Детальное сопоставление контекстов, содержащих *sky* и *небо*, показало, что полные эквивалентные совпадения отмечаются в 65 % всех соотносящихся по смыслу случаев. Анализ выявил применение В. Набоковым различных видов трансформаций: опущение (29 % употреблений *sky* не отражены в переводе, его смысл не выражается и имплицитно); лексико-семантические замены, например, введение лексемы в переводной текст, использование единиц синонимического ряда, личных местоимений, конкретизация. Отчасти это можно объяснить различием в системных возможностях английского и русского языков. Еще одна вероятная причина – изменение авторского замысла.

Таким образом, наше предположение об идентичности описания неба при переходе автора-переводчика с одного языка на другой подтверждается лишь частично. Полученные в ходе исследования этого фрагмента наблюдения, с одной стороны, поддерживают мысль о том, что перевод автора – это «всегда продолжение его работы с рукописью, это продолжающийся процесс создания, который бесконечен, потому неизбежно возникновение нескольких вариантов одного и того же произведения» [3, с. 393]. С другой – они доказательно опровергают противоположное мнение, что «автоперевод не может считаться

иноязычным вариантом оригинального текста» [7], обосновывая целесообразность присвоения авторскому переводу некоего промежуточного статуса.

Список литературы:

1. Бакуменко О. Н. Лексикализация концептосфер “Sky”/«Небо» в английском и русском идиолектах В. Набокова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. № 5. Т. 14. С. 1588-595. [Bakumenko O. N. Leksikalizacija konceptosfer “Sky”/«Nebo» v anglijskom i russkom idiolektah V. Nabokova // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021; 14 (5): 1588-1595. (In Russ).]
2. Караулов Ю. Н. Языковая личность // *Русский язык. Энциклопедия*. 2-е изд., перераб и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 671-672. [Karaulov Ju. N. Jazykovaja lichnost' // *Russkij jazyk. Jenciklopedija*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Drofa; 1998; 671-672. (In Russ).]
3. Козько В. Школа, масштаб, уровень // *Художественный перевод: проблемы и суждения. Сб. статей*. М.: Известия, 1986. С. 391-396. [Koz'ko V. Shkola, masshtab, uroven' // *Hudozhestvennyj perevod: problemy i suzhenija: digest of articles*, Moscow: Izvestija; 1986: 391-396. (In Russ).]
4. Набоков В. В. Заметки переводчика // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 1. СПб., Издательство: РХГА 1997. С. 107-123. [Nabokov V. V. Zametki perevodchika // V. V. Nabokov: pro et contra. T. 1. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publishing House, 1997; 107-123. (In Russ).]
5. Набоков В. В. Искусство перевода // *Лекции по русской литературе / Пер. с англ.; предисловие И. Толстого*. М.: Изд-во Независимая

Газета, 1998. С. 389-397. [Nabokov V. V. The Art of Translation // *Lectures on Russian Literature / Per. s angl.; predislovie I. Tolstogo*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta Publishing House, 1998; 389-397. (In Russ).]

6. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., коммент. Н. Г. Мельникова. М.: Изд-во Независимая Газета, 2002. [Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'ju, recenzii, jesse / Sost., komment. N. G. Mel'nikova. Moscow: Nezavisimaya Gazeta Publishing House, 2002. (In Russ).]
7. Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980. [Popovich A. Problemy hudozhestvennogo perevoda. Moscow: Vysshaja shkola, 1980. (In Russ).]
8. Резунова И. А. Автоперевод как средство взаимосвязи и взаимообогащения национальных литератур // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 150-152. [Rezunova I. A. Avtoperevod kak sredstvo vzaimosvjazi i vzaimoobogashhenija nacional'nyh literatur // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016; № 6(60): in 3 parts, P. 1; 150-152. (In Russ).]
9. Финкель А. М. Об автопереводе // *Теория и критика перевода*. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. С. 104-125. [Finkel' A. M. Ob avtoperevode // *Teorija i kritika perevoda*. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1962; 104-125. (In Russ).]
10. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: ФЛИНТА, 2016. 183 с. [Hrolenko A. T. Osnovy lingvokul'turologii. Moscow: FLINTA, 2016. (In Russ).]
11. Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 316 с. [Shahovskaja Z. A. V poiskah Nabokova. Otrazhenija. Moscow: Kniga, 1991. In Russ).]

#7(71), 2021 часть 3
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.
Периодичность: 12 номеров в год.
Формат - А4, цветная печать
Все статьи рецензируются
Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#7(71), 2021 part 3
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

**Давид Ковалик (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

**Питер Кларквуд (Университетский
колледж Лондона)**

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

**Александр Клиmek (Польская академия
наук)**

**Александр Роговский (Ягеллонский
университет)**

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

**Бартош Мазуркевич (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

**Миколай Жуковский (Варшавский
университет)**

**Матеуш Маршалек (Ягеллонский
университет)**

**Шимон Матысяк (Польская академия
наук)**

**Михал Невядомский (Институт
международных отношений)**

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Kracow University of
Technology named Tadeusz Kościuszko)**

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

**Alexander Klimek (Polish Academy of
Sciences)**

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko
Cracow University of Technology)**

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

**Szymon Matysiak (Polish Academy of
Sciences)**

**Michał Niewiadomski (Institute of
International Relations)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>